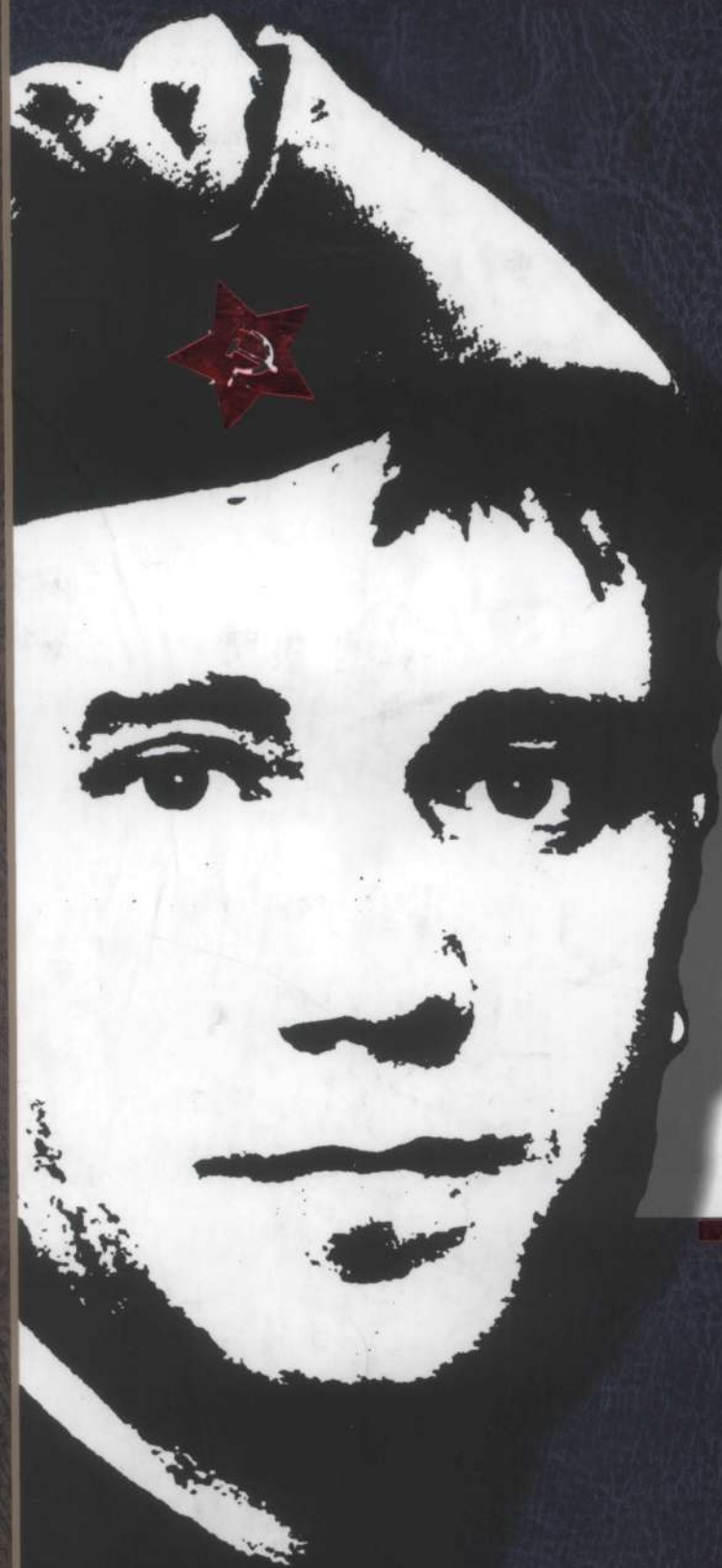

Дмитрий Панков

**ПОДОЛЬСКИЕ
КУРСАНТЫ
В БИТВЕ
ЗА МОСКВУ**

Глава I. Укрощение «Тайфуна»

Вероломно напав на СССР, гитлеровцы достигли на главных направлениях 4–6-кратного превосходства в силах и средствах.

Летом и осенью 1941 года советские войска вели тяжелые оборонительные бои на северо-западном, западном и юго-западном направлениях.

Вражеская группировка «Север» вышла на ближние подступы к Ленинграду, блокируя город с суши. Группа армий «Юг» рвалась к Киеву. Группа армий «Центр», захватив Минск, вела бои за Смоленск. Сопротивление вражескому натиску усиливалось с каждым днем. В начале сентября советские войска нанесли сильный контрудар в районе Ельни.

В результате упорных боев войска 20, 24, 43-й армий Западного фронта нанесли крупное поражение двум танковым, одной моторизованной и семи пехотным дивизиям гитлеровцев. Более 45 тысяч вражеских солдат и офицеров нашли свою смерть на ельнинской земле.

План врага – с ходу пробиться к Москве – был сорван.

Плану нового наступления на Москву гитлеровцы дали кодовое название «Тайфун».

Они перебросили на московское направление из групп армий «Север», «Юг» и из резерва более десяти дивизий. Таким образом, в состав группы армий «Центр» вошли три полевые армии (9, 4, 2-я), три танковые группы (3, 4, 2-я). Для поддержки наступления выделялось 1390 самолетов.

Группе армий «Центр» противостояли армии Западного Резервного и Брянского фронтов, которыми командовали генерал И.С. Конев, Маршал Советского Союза С.М. Буденный, генерал А.И. Еременко. В их распоряжении находилось 95 соединений, большинство из которых были не укомплектованы, не обладали необходимым боевым опытом и выучкой. Численный перевес оказался на стороне противника, превосходившего советские войска в людях в 1,4 раза, артиллерии – в 1,8, танках – в 1,7 и самолетах – в 2 раза.

На совещании руководителей группы армий «Центр» Гитлер заявил, что город должен быть ок-

ружен так, чтобы «ни один русский солдат, ни один житель – будь то мужчина, женщина или ребенок – не мог его покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой».

В обращении фашистского командования к войскам Восточного фронта говорилось: «Солдаты! Перед нами Москва! За два года все столицы континента склонились перед вами, вы прошагали по улицам лучших городов. Вам осталась Москва. Заставьте ее склониться, покажите ей силу вашего оружия...».

Смысл первого этапа запланированной операции сводился к тому, чтобы прорвать оборону советских войск и окружить их в районе Вязьмы и Брянска, нанеся удар со стороны Духовщины, Рославля, Шостки. 6 сентября 1941 года, утвердив операцию по захвату Москвы, Гитлер дал указание главному командованию сухопутных войск подготовить «решающее» наступление.

После Смоленского сражения гитлеровцам понадобился почти месяц, чтобы возобновить наступление на московском направлении.

Директивные документы обращали внимание штабов на необходимость держать перегруппировку войск в секрете, выводить их в исходное положение по возможности позднее, стараться дезинформировать советское командование. Особенно важным считалось сохранить в тайне передвижение моторизованных соединений в район расположения группы армий «Центр». Гитлеровцы были уверены в том, что, если рассечь оборонительный фронт Красной Армии, советскому командованию более уже не удастся воссоздать сплошной фронт или новые группировки оперативного значения.

19 сентября штаб Западного фронта дал директиву командующим армиями, в которой указывалось, что разведкой установлен подход новых частей противника. Они были замечены на стыке 19-й и 16-й армий и на левом фланге 20-й армии.

Учитывая складывающуюся обстановку, командование Западного фронта провело работу

по созданию армейских и фронтовых резервов. Однако по указанию Ставки две дивизии из этих резервов пришлось передать на юго-западное направление. Между командующим Западным фронтом И.С. Коневым и начальником генштаба Б.М. Шапошниковым состоялся разговор.

– Верховный Главнокомандующий считает необходимым взять от вас в свой резерв две дивизии, – поставил в известность Конев Шапошников. – Дивизии должны быть достаточно укомплектованы и с артиллерией.

И.С. Конев ответил:

– Докладываю: ни одной укомплектованной дивизии нет. Все дивизии, выведенные в резерв, слишком малочисленны. Могу выделить с большим ущербом для фронта 64-ю стрелковую и 1-ю мотострелковую дивизии. Повторяю, что фронт у нас очень жидкий.

25 сентября на имя Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина штаб Западного

фронта отправил донесение о перегруппировке авиации противника и просил усилить фронт авиацией.

26 сентября Сталину было отправлено новое донесение, в котором приводились показания пленного летчика. Из них следовало, что враг сосредоточил вдоль автомагистрали, ведущей к Вязьме и Москве, до 1000 танков.

30 сентября 1941 года противник нанес удар силами 2-й танковой группы по войскам Брянского фронта в районе Шостки, а 2 октября по Западному и Резервному фронтам. Здесь действовали основные силы группы армий «Центр».

Ценой огромных потерь врагу удалось прорвать Западный фронт. По распоряжению его командующего И.С. Конева силами 30-й и 19-й армий, частью фронтового резерва, объединенных в группу заместителя И.С. Конева – И.В. Болдина, было решено провести контрудар. Однако выправить положение не удалось.

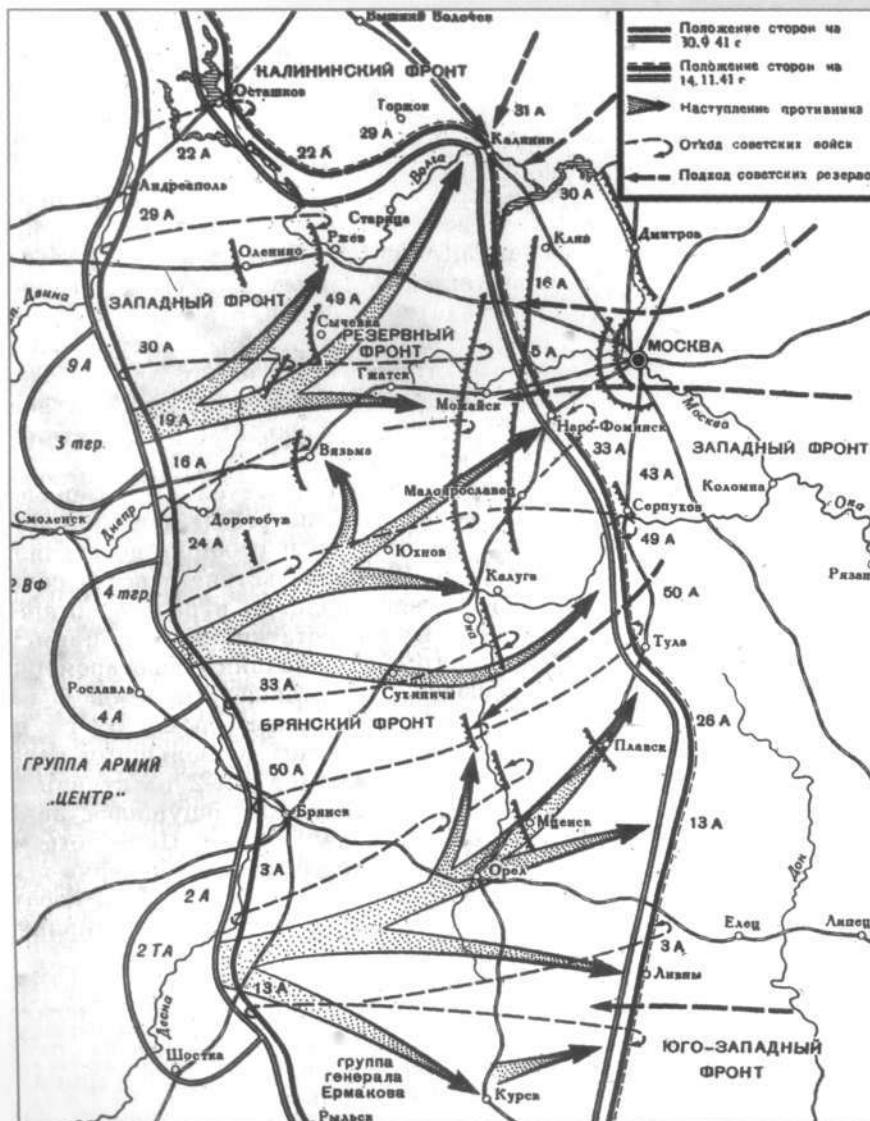

Схема «Оборонительное сражение советских войск под Москвой с 30 сентября по 14 ноября 1941 года»

Мощная артиллерийская и авиационная подготовка гитлеровцев началась на всю глубину обороны 19-й и соседних с ней армий. Вражеская авиация шла волнами, обрушивая смертоносный груз на передний край, артиллерийские позиции и войска, находившиеся в глубине обороны вплоть до тылов фронта.

Нащупав стык 19-й и 30-й армий, противник начал вбивать в него клин севернее Ярцева. Образовался глубокий разрыв шириной до 30–40 километров.

Второй удар группа армий «Центр» нанесла в составе 4-й полевой армии с приданной 4-й танковой группой по левому крылу Резервного фронта. Войска 4-й танковой группы и 4-й армии теснили к востоку соединения 33-й и 43-й армий и вышли на линию Мосальск – Спас-Деменск – Елья. Резервный фронт на этом направлении не располагал резервами, к тому же передний край обороны фронта, занимаемый 43-й армией¹, имел недостаточно развитую глубину обороны, малое количество танков и артиллерии. Для Западного фронта, 24-й, 43-й армий сложилась очень тяжелая обстановка.

Вдоль Варшавского шоссе против 53-й и 217-й стрелковых дивизий 43-й армии наступала ударная группировка немецко-фашистских войск, имевшая 10 пехотных, 5 танковых, 2 моторизованные дивизии. Иначе говоря, враг имел здесь более чем четырехкратное превосходство сил.

Против 53-й стрелковой дивизии гитлеровское командование бросило четыре пехотные и три танковые дивизии.

Именно в этой дивизии сражалась героиня из знаменитой трилогии Константина Симонова «Живые и мертвые», старший военфельдшер Валентина Тимофеева. Из окружения она выходила с группой бойцов под командованием капитана Кадомского.

Симонов писал: «Это женщина, в присутствии которой мужчина не смеет не быть храбрым».

Преодолев оборону 53-й и 217-й стрелковых дивизий, немецко-фашистские войска через Спас-Деменск, Киров двинулись дальше к Москве.

4 октября гитлеровцы бросили основные силы вдоль Варшавского шоссе к Юхнову, охватывая вяземскую группировку советских войск с юга и одновременно обеспечивая себе дальнейшее продвижение по шоссе. На направлении Юхнов – Малоярославец уже не оказалось сил, способных отразить вражеский натиск. На отдельных участках находились лишь стрелковые батальоны, соорудившие оборонительную полосу Можайской линии обороны.

Столь стремительное продвижение оказалось

опасным своей внезапностью. Советское командование уже замыслило отвод войск на новые рубежи, рассчитывая произвести его 6 октября. Одновременно предполагалась перегруппировка сил, но прежде чем удалось отвести войска, противник окружил часть сил Западного и Резервного фронтов под Вязьмой и Брянском.

4 октября подвергся интенсивной бомбардировке Юхнов. Несколько бомб попало в склад авиационного горючего. По документам военного времени склад проходит под № 1985, но несмотря на смертельную опасность, пожар удалось ликвидировать и более 60 тонн бензина было переправлено в более безопасное место.

Несмотря на натиск противника, в расположении штаба головного авиационного склада была организована оборона, руководство которой взял на себя подполковник Поляков. Начальник ГАС 1985 интендант 3-го ранга Лужковский отмечал: «Через 40–50 минут после донесения об угрожающем положении показался противник, идущий цепью с правого фланга от шоссе, направляясь к штабу, отрезая его от техсклада...»

Наша группа открыла огонь, подпустив противника на 50–60 метров. Но вследствие значительного перевеса противника группа отошла по направлению станции Мятлевская...».

Лужковский отметил отвагу старшего пиротехника П.Е. Дробыт, заведующего хранилищем И.В. Гавриш, мастера химвооружения П.Е. Внукова, начальника отделения хранения авиамущества, интенданта 3-го ранга И.Ф. Найда, воентехника 1-го ранга А.Н. Кондратьева.

То и дело со стороны аэродрома Емельяновка доносились выстрелы, а легковой автомобиль командира 1-го тяжелого авиационного полка полковника И.В. Филишова был обстрелян фашистскими автоматчиками; шофер получил ранение.

В тот же день бойцы 269-го батальона аэродромного обслуживания, заканчивавшие эвакуацию материальной части, обнаружили разведку противника на южной окраине города.

Полковой комиссар К.В. Жабенко немедленно собрал командный состав батальона.

– Мы не знаем общей обстановки на фронте, – сказал он. – Но, судя по тому, что гитлеровцы неожиданно оказались в Юхнове, она очень серьезна. Нам придется принять бой.

Начавшийся с рассветом 5 октября первый бой продолжался два часа на рубеже, занятом батальоном Жабенко, а затем на реке Угре, где врага встретил огнем отряд авиадесантников под командованием капитана И.Г. Старчака, с сентября формировавшийся в Юхнове (там по приказу командования Западного фронта создавалась база для подго-

1. Владикавказ

К.В. Жабенко,
комиссар
269-го батальона
аэродромного
обслуживания

И.Г. Старчак

товки парашютистов к засылке во вражеский тыл). Сохранился приказ по 23-й авиационной бомбардировочной дивизии от 25 сентября 1941 года, в котором сказано: «В соответствии с приказом войскам Западного фронта от 19 сентября 1941 г. при дивизии сформировать отдельный парашютно-десантный батальон. Формирование возложить на зам. начальника штаба дивизии капитана Шевчука. Батальону дислоцироваться в г. Юхнов при 1-м тяжелом авианолку...».

Десантники расположились на восточном берегу Угры, выставив на западном боевое охранение.

В течение дня авиадесантный отряд отразил несколько яростных атак гитлеровцев.

Прикрываясь огнем артиллерии и минометов, гитлеровцы спустили на воду надувные лодки и начали переправляться через Угру. Десантники встретили гитлеровцев прицельным огнем. Одна часть вражеских солдат оказалась в воде, начала тонуть. Другая – успевшая переправиться, была расстреляна очередями и добита гранатами.

Вечером батальон фашистов, поддержанный танками, переправился через Угру в 10 километрах слева от обороны десантников.

И.Г. Старчак вспоминал: «Намерение врага было предельно ясным: выйти в тыл нашему отряду, окружить его и уничтожить. При такой ситуации оставаться на Угре больше не имело смысла. Скрытно сняли мы свои главные силы с позиций. Старший лейтенант Кабачевский форсированным маршем отвел их на восточный берег реки Извери. В окопах близ Угры остались лишь тридцать пять человек во главе с младшим лейтенантом Наумовым...».

6 октября авиадесантники объединились с передовым отрядом курсантов подольских пехотного и артиллерийского училищ.

В этот же день генерал Г.Г. Рокоссовский прибыл со штабом 16-й армии в Вязьму для организации контрудара в направлении Юхнова. Однако по прибытии в город он узнал, что сюда из Юхнова идут немецкие танки.

«Вырваться удалось благополучно, – вспоминал Рокоссовский в своей книге «Солдатский долг». – В одном месте чуть не столкнулись с танком, но успели нырнуть в переулочек и врагу не удалось обстрелять нас прицельным огнем.

КП располагался в перелеске, километрах в десяти северо-восточнее Вязьмы. Здесь мы стали подытоживать все данные, которые смог собрать штаб. Немцы нанесли удар излюбленным способом – прорыв фронта на двух направлениях, создание внутреннего кольца окружения смыканием в глубине прорыва».

В результате прорыва обороны на юхновском направлении и вклинивания танковых войск противника в районе севернее Вязьмы 19, 16 и 20-я армии Западного, 32, 24 и 43-я армии Резервного фронтов были глубоко охвачены с флангов. Ставка приказала командованию фронтов отвести армии на ржевско-вяземский оборонительный рубеж, но осуществить этот маневр не удалось. Противник уже отрезал пути отхода соединениям 19, 20, 24 и 32-й армий и к 7 октября окружил их в районе Вязьмы.

Трудная обстановка сложилась и южнее Брянска. В первый день наступления 2-я танковая группа противника прорвала оборону 13-й армии, а на другой день – 50-й. Обойдя с востока Брянск, враг перерезал пути отхода войскам Брянского фронта. Возникла угроза прорыва гитлеровцев к Калуге и Туле.

Случившееся было преподнесено гитлеровской пропагандой необычайно шумно. Имперский пресс-шеф Дитрих объявил, что война выиграна и «русский фронт разгромлен». Газета «Фельки-

шер беобахтер» вышла с кричащими заголовками: «Великий час пробил: исход восточной кампании решен», «Военный конец большевизма», «Последние боеспособные советские дивизии принесены в жертву».

Но попавшие в окружение войска продолжали оказывать гитлеровцам упорное сопротивление, сковав 28 вражеских дивизий. 14 из них так и не смогли до середины октября высвободиться для дальнейшего наступления. Вот почему, узнав о заявлении имперского пресс-шефа, что «русский фронт разгромлен», командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок позвонил главнокомандующему сухопутными войсками фельдмаршалу фон Браухичу, выразив возмущение:

– Разве вы не знаете, каково действительно положение дел? Ни Брянский, ни Вяземский котлы еще не ликвидированы.

Находившийся тогда в СССР корреспондент английской газеты «Санди Таймс» Александр Верт отмечал: «Немцы намеревались блокировать окруженные в районе Вязьмы советские войска главным образом силами пехоты, чтобы тем самым высвободить свои танковые и моторизованные дивизии для молниеносного наступления на Москву. Но остатки 19, 20, 24 и 32-й армий и группа генерала Болдина более чем на неделю сковали главные силы немецкой 4-й армии и 4-й танковой группы. Это сопротивление дало возможность Верховному Главнокомандованию перебросить больше вышедших из окружения войск на Можайский рубеж и подтянуть из тыла резервы».

Близость опасности для столицы стала вполне очевидной после того, как 5 октября летчики Московского военного округа, совершавшие разведывательный полет, обнаружили движение танковой колонны по Варшавскому шоссе к Юхнову.

По воспоминаниям бывшего командующего ВВС Московского военного округа и Московской зоны обороны генерала Н.А. Сбытова, прорыв танковых и моторизованных соединений врага на Юхнов первыми обнаружили летчики Серов и Дружков. Они доложили, что видели колонну фашистских танков и бронемашин протяженностью до 25 километров, стремительно движущуюся по Варшавскому шоссе на восток, от Спас-Деменска к Юхнову, к реке Угре. «Положение создалось критическое, – пишет Н.А. Сбытов. – До Москвы осталось лишь 200 километров».

Члену Военного совета Московского военного округа генералу К.Ф. Телегину запомнилось, что в то утро командование округом получало противоречивые сообщения о положении на западном направлении: из оперативной группы в Малоярос-

лавском укрепленном районе – непроверенные, очень похожие на спровоцированные агентурой врага сведения о начавшихся сильных боях, большом наступлении гитлеровцев, о целых дивизиях наших, попавших в окружение. Проверка этих сведений через службу Воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), да и по другим каналам, убеждала: с этого направления нам ничто не угрожает.

Новые данные воздушной разведки имели, по оценке Телегина, «чрезвычайно важное значение не только для судьбы Москвы, но и для всей нашей Родины». Запросив для проверки по телефону дежурного генерала Генштаба о положении на Западном фронте, он услышал ответ:

– От штабов Западного и Резервного фронтов новых данных не поступало.

«Можно было бы и удовлетвориться этим, – вспоминал К.Ф. Телегин, – но, как ни странно, именно спокойный, слишком спокойный ответ дежурного генерала вызвал какую-то подсознательную тревогу».

Его несколько успокоил начальник Генштаба.

– Ничего, голубчик, тревожного пока нет, все спокойно, если под спокойствием понимать войну, – сказал Телегину маршал Шапошников.

Телегина бросило в жар от мысли, что чуть было не подняли ложную тревогу: «Это могло внести нервозность, помешать нормальной работе и руководству боевыми действиями войск... Речь шла о событиях величайшей важности, и преступен был бы тот командир или политработник, который, не убедившись в правдивости первого сообщения, ударил бы в набат».

Сбытов получил задачу: послать в повторную разведку лучших летчиков, приказав им снизиться, если увидят колонну, до бреющего полета, и сообщить координаты.

Пока совершалась дополнительная проверка, член Военного совета с тревогой обдумывал, что возможно предпринять, какие и где изыскать силы и средства, чтобы закрыть врагу путь на Москву. Верить, что это горькая правда, не хотелось, но Телегин уже перелистывал рабочую тетрадь, где было перечислено все, чем можно располагать в критических обстоятельствах. И что же? Единственной реальной силой на сегодня-завтра-послезавтра приходилось считать помимо частей ПВО лишь военные училища и академии. Ближе всех к врагу находились подольские пехотное и артиллерийское училища. Можно было еще перебросить из лагерей Военно-политическое училище имени В.И. Ленина. «Все это – цвет нашей армии, – размышлял К.Ф. Телегин, – завтрашние командиры, комиссары, политруки, фронт в них крайне нуждается, ждет. Однако,

К.Ф. Телегин

если потребуется, они рядовыми бойцами с винтовками в руках грудью своей закроют врагу дорогу на Москву. Это самая крайняя мера, но другого выхода может не оказаться».

Не дожидаясь результатов проверки, Телегин принимал меры. Его порученец вызвал по телефону начальников подольских училищ. Начальник штаба округа И.С. Белов выяснил возможности 33-й запасной стрелковой бригады: было известно, что она только-только начала развертываться и ее бойцы не получили еще минимальной военной подготовки. Для того чтобы форсировать приведение подольских училищ в полную боевую готовность, Военный совет послал туда наделенного полномочиями представителя. Намечались и другие меры.

В 15–20 километрах от Юхнова посланные в разведку летчики вновь обнаружили головную часть гитлеровской танковой колонны. Несмотря на сильный зенитный огонь, они на бреющем полете прошли над колонной. Видно было, как при снижении самолетов фашисты выскакивали из машин и укрывались в кюветах. Самолеты получили пробоины.

И снова перепроверка данных. Подняли в воздух боевые машины командир эскадрильи 120-го авиаполка Виктор Томилин, летчики Бочаров и Штучкин. Над Рославлем они прошли с небольшим снижением, выбирая в сплетении дорог ту, что ведет на Юхнов. Вот она. По Варшавскому шоссе в два ряда движутся танки, черные фургоны везут пехоту и боеприпасы. Враг! С земли ударили зенитки, навстречу разведчикам устремились «мессершмиты». Из воздушной схватки советские летчики вышли победителями: недалеко от идущей по Варшавскому шоссе колонны остался догорать фашистский самолет.

В третьем часу дня 5 октября летчики увидели, что голова танковой колонны уже вошла в Юхнов. Они обстреляли колонну и сбросили бомбы.

Сообщение о результатах повторной воздушной разведки рассеяло все сомнения. О тревожном факте вступления врага в Юхнов член Военного совета Московского военного округа генерал-лейтенант К.Ф. Телегин немедленно доложил начальнику Генерального штаба маршалу Б.М. Шапошникову.

Вот как он сам передает содержание разговора:

«...Я твердо, насколько позволяло волнение, доложил обо всем, что мне стало известно.

В трубке на несколько секунд воцарилось молчание.

– Верите ли вы этим данным, не ошиблись ли ваши летчики?

– Нет, не ошиблись, – убежденно ответил я. – За достоверность сведений отвечаю, за летчиков ручаюсь...

– Мы таких данных не имеем, это невероятно...

Через 3–4 минуты позвонил Сталин:

– Вы только что докладывали Шапошникову о прорыве немцев в Юхнов?

– Да, я, товарищ Сталин.

– Откуда у вас эти сведения и можно ли им доверять?

– Сведения доставлены лучшими боевыми летчиками, дважды перепроверены и достоверны...»

Последовал приказ во что бы то ни стало задержать противника на рубеже Можайской линии обороны. Можайская линия обороны сооружалась с июля 1941 года на рубеже (с севера на юг): Московское море, западнее Волоколамска, Можайска, Малоярославца до Детчина (левый фланг) общей протяженностью 220 километров. Она имела три оборонительные полосы глубиной 60–80 километров на площади 300 тысяч квадратных километров.

Для осуществления работ были созданы три управления укрепленных районов: Волоколамское – 35-е, Можайское – 36-е, Малоярославецкое – 37-е. С 26 августа начало действовать 38-е управление Калужского укрепленного района. Техническое руководство выполнялось тремя управлениями армейского военного полевого строительства: 20, 21, 22-м. В процессе строительства их число увеличилось.

Во второй половине августа в Малоярославецком 37-м укрепленном районе было занято 12,956 рабочих человек. На 22 сентября – 27,500.

В случае необходимости Можайскую линию обороны должны были оборонять 32, 33, 34-я армии. Одна из них, 34-я, в составе четырех дивизий народного ополчения, 257-й стрелковой дивизии НКВД, 883-го арtpолка, 878, 879, 880-го арtpолков противотанковых орудий, прикрывала направление Юхнов – Медынь – Малоярославец. Но

На строительстве оборонительных укреплений Можайской линии обороны

с 22 июля по решению Ставки Верховного Главнокомандования части армии стали направляться в район Вязьмы, что значительно ослабило юхновско-малоярославецкое направление. К тому же не были закончены и оборонительные сооружения. В начале октября завершилось создание противотанковых препятствий, большинства дотов, дзотов. Однако полный объем работы первой очереди выполнить не удалось.

Главное же – не хватало сил, способных занять и удержать рубеж. Так, например, участок Дуркино – Юрьевское в Ильинском секторе про-

тяженностью 22 километра вообще не был занят войсками.

Предстояло выиграть пять-семь дней, пока подойдут резервы Ставки.

На Варшавском шоссе, левом фланге Можайской линии обороны, эту задачу должны были решить поднятые по тревоге курсанты подольских пехотного и артиллерийского училищ.

Только крайняя необходимость могла продиктовать подобное решение, ибо никакая армия не может без риска нарушить систему подготовки своих командных кадров.

Глава II. Приказ – выстоять!

«Курсанты первыми вступили в бой с фашистскими захватчиками, в сотню раз превосходящими наши силы на этом направлении...».

Н.А. Сбытов, генерал-лейтенант авиации

Подольское пехотное училище формировалось в период с января по март 1940 года согласно директиве Военного совета Московского военного округа № 9590 от 8 января 1940 года и директиве наркомата обороны № 4/2/ 103006 от 31 декабря 1939 года.

Местом формирования училища был город Подольск Московской области.

С середины января 1940 года в огромное здание подольского Индустриального техникума начали прибывать командиры и политработники, назначенные во вновь создаваемое училище. Сначала только несколько комнат на первом этаже было отведено для училища. Основная часть здания в то время была занята лыжными батальонами, которые 57-й стрелковый корпус формировал для ударов по белофиннам.

21 января 1940 года был отдан приказ № 1 по Подольскому стрелково-пулеметному училищу, а 30 января командование им принял назначенный помощником начальника училища полковник Пшеничников, испытанный боевой командир, орденосец, впоследствии отмеченный новой правительственной наградой за героизм, проявленный в сражениях с немецкими оккупантами. Под его руководством и прошел организационный период жизни училища.

15 марта 1940 года прибыл назначенный на должность начальника училища генерал-майор И.И. Швыгин – в то время еще комбриг. Военным комиссаром училища был полковой комиссар Недобой.

Организационный период был связан с рядом трудностей, помимо тех, которые сопутствуют созданию всякой крупной войсковой части. Во-первых, здание Индустриального техникума было ос-

Фасад бывшего здания
Подольского пехотного
училища

*С.А. Романов
и П.Д. Кулаков
у боевой карты*

вобождено лыжными батальонами только 20 февраля, поэтому учеба курсантов началась в разных местах (десять рот сперва располагались в Москве, в помещениях Московского пехотного и Московского артиллерийского училищ). Во-вторых, начальствующий состав комплектовался только частично за счет кадрового начсостава армии. Основная группа начсостава была взята из запаса и из числа только что выпущенных курсантов других, главным об-

разом Тамбовского и Рязанского пехотных училищ. Со всей серьезностью встала задача формирования и подготовки самого начальствующего состава. В этом деле важнейшей опорой командования были командиры — участники боев с белофиннами.

К 15 марта 1940 года формирование училища полностью закончилось. Первые три батальона были комплектованы гражданской молодежью и красноармейцами призыва 1939 года, а 4-й и 5-й баталь-

*Курсанты на строевых
занятиях*

*По этому шоссе курсанты
ушли на фронт*

оны – курсантами, прибывшими из Московского и Рязанского пехотных училищ и имевшими уже четырехмесячную подготовку (впоследствии они образовали старший курс). Срок обучения был установлен двухгодичный. Батальонами командовали: первым – майор Потапов, вторым – полковник Яковенцев, третьим – майор Васильев, четвертым – полковник Горяшин и пятым – майор Романов. Были созданы партийные и комсомольские организации – первые помощники командиров по работе и воспитанию курсантов.

Занятия с курсантами начались 1 марта, еще до окончания всех организационных мероприятий.

Особое внимание и помощь училищу оказывал помощник командующего войсками МВО по вузам комкор Клыков, не раз посещавший училище и вникавший во все мелочи учебы и быта курсантов.

В мае 1940 года начальник училища генерал И.И. Швыгин вывез курсантов Подольского стрелково-пулеметного училища (так оно называлось до 1 августа 1941 года) в первый лагерь, расположенный в Окской пойме, вблизи Белоомута Рязанской области. Он открыл широкие возможности для практических занятий курсантов, их приближения к условиям боевой действительности. По итогам учебы в Белоомуте многие курсанты были награждены знаком «Отличник РККА».

Курсантский состав комплектовался за счет красноармейцев, гражданской молодежи и курсантов из Москвы, Киева, Одессы, Орджоникидзе, Тамбова, Рязани.

Один из первых курсантов ППУ С.А. Штери рассказывает: «Из училища имени Верховного Совета РСФСР нас отобрали около батальона. Традиции кремлевских курсантов мы должны были принести в стены вновь организованного училища. Здесь встретились курсанты самых различных национальностей: русские, украинцы, белорусы, чуваша, марийцы, грузины, армяне, абхазцы. Многонациональность не мешала нам понимать друг друга, потому что объединяло нас всех глубокое чувство любви к Родине...».

По-разному складывались судьбы курсантов до училища.

Александр Лебедевский служил в Красной Армии. После демобилизации работал инструктором отдела крестьянской молодежи Чувашского обкома ВЛКСМ. Николай Игнатов выбрал специальность киномеханика в подольском кинотеатре «Художественный». Федор Терещенко окончил педагогическое училище, Тихон Беликов трудился токарем на Тульском оружейном заводе. В школе села Ильинское Малоярославецкого района преподавал физику и математику Алексей Митюков.

6 октября 1940 года курсанты вернулись на зимние квартиры, отмеченные приказом народного комиссара обороны СССР. В ноябре училище перешло на новые штаты четырехбатальонного состава.

Второй период зимней учебы в Подольске прошел на более высоком уровне. Училище имело хорошую материальную базу. В основе организации учебы лежал принцип: «Учить тому, что надо на войне».

Закончился зимний период жизни училища. В апреле поступили очередной приказ наркома № 30 и директива Главного управления политической пропаганды РККА № 20 «О подготовке частей, академий, училищ к выходу в лагеря». Это была довольно объемистая книжка, в которой были расписаны задачи войск по боевой подготовке на весь летний период 1941 года.

9 мая 1941 года училище перешло в лагерь у села Лужки недалеко от Серпухова на берегу реки Оки.

Лагерь был быстро оборудован и принял образцовый воинский вид. С величайшим напряжением взялись курсанты, командиры и политработники за летнюю боевую подготовку. Каждый понимал, как накалена международная политическая обстановка, и поэтому не жалел сил для быстреего достижения совершенства в боевом мастерстве. Особенно успешно шла учеба в расположенном на правом фланге лагеря первом батальоне, которым командовал капитан Черныш. Небольшого роста, энергичный, всегда подтянутый, образованный и все же постоянно работающий над повышением своих военных и политических знаний, капитан Черныш был любимцем курсантов и уверенно вел батальон к завоеванию первенства.

В начале июня в лагере был проведен первый в училище выпуск: 876 курсантов старшего курса получили звание «Лейтенант». Командующий войсками МВО приказом № 59 отметил успешный выпуск и объявил благодарность с награждением ценными подарками: командиру первого батальона капитану Чернышу, его заместителю — батальонному комиссару Линькову, командиру третьей роты — старшему лейтенанту Кубареву.

В первые дни войны на базе училища под Серпуховом, в Лужках (п/я 8, литер 39) тысячи военнообязанных прошли лагерные сборы. Был сформирован так называемый литерный полк, в который зачисляли для ускоренной боевой подготовки мобилизованных граждан, направляемых затем эшелонами на Западный фронт.

Под руководством начальника училища генерал-майора Василия Андреевича Смирнова, сменившего комбрига И.И. Швыгина, 30 декабря 1940 года была проведена организация по формированию нескольких противотанковых полков.

На плечи курсантов, командиров и политработников, помимо учебных занятий по боевой подготовке, легло много новых ответственных задач, в том числе патрулирование в районе Каширы, Электростали и Домодедово на случай высадки вражеских парашютных десантов или диверсионных групп.

К концу лагерного периода ППУ успешно справилось со своими задачами, сочетая учебу с готов-

В.А. Смирнов

ностью в любую минуту выступить на выполнение боевых задач. Это показал и сентябрьский выпуск училища, когда 918 курсантов, прошедших подготовку по ускоренной программе, были удостоены звания «Лейтенант».

До 1 августа 1941 года училище именовалось стрелково-пулеметным, а в дальнейшем оно было названо пехотным.

К 1 октября на первом курсе ППУ обучалось 1458 человек. На втором — 633.

Хорошую память о себе оставили в ППУ такие начальники, как майор Б.С. Зарембовский, полковник М.Р. Свищев, генерал-майоры В.А. Апакидзе, Т.И. Волкович, И.С. Гогун, полковник М.Е. Каневский.

Большую роль в обучении и воспитании курсантов играла многотиражная газета «Меткий стрелок».

Артиллерийское училище было сформировано к сентябрю 1938 года.

«В конце лета 1938 года мы прибыли из второго Московского артучилища, где сдавали вступительные экзамены, — вспоминает один из первых выпускников Подольского артиллерийского училища В.М. Краснов. — Жили в палатках рядом с Варшавским шоссе. Строили и учились. В мае-июле 1941 года состоялся первый выпуск...». Многие курсанты остались в училище командирами взводов.

От занятия к занятию курсанты мужали. Исчезла растерянность, появлялась уверенность, что каждый может стать настоящим боевым офицером-артиллеристом.

Большой вклад в становление училища внесли его начальники: полковники Г.И. Балашев, И.С. Стрельбицкий, В.А. Смирнов, Н.А. Оганесян, М.Г. Красуцкий. Своими знаниями и требовательностью заслужили авторитет у курсантов ко-

И.С. Стрельбицкий

мандиры батарей: П.С. Семенцов, Я.С. Россиков, Н.К. Ефименко, К.Н. Тихончук, М.М. Воронцов, Ф.Ф. Горячих, сын героя Гражданской войны капитан А.В. Чапаев, преподаватели: М.И. Потапов, И.Ф. Цветков, В.В. Проскуряков, А.М. Дементьев, начальник строевого отдела Д.Ф. Макаров.

Когда началась война, училище приступило к формированию артполков и артдивизионов различного назначения. В гарнизоне ПАУ действовал штаб, сформировавший 5 отдельных дивизионов резерва главного командования, 7 артиллерийских полков противотанковой обороны, несколько прожекторных рот. С 5 сентября по 8 декабря 1941 года начальником училища был полковник И.С. Стрельбицкий.

Его имя мы встретим на страницах воспоминаний генерал-полковника И.В. Болдина «Страницы жизни», где он рассказывает о И.С. Стрельбицком, командире 8-й артиллерийской противотанковой бригады, проявившем героизм в начале войны.

И.В. Болдин пишет:

«Когда началась война, артиллеристы бригады мужественно отражали попытки гитлеровской танковой дивизии прорваться из Вильнюса и Гродно к городу Лида. Под давлением превосходящих сил они медленно отходили, а потом тоже попали в окружение. Вскоре иссяк запас горючего. Артиллеристы вынуждены были остановиться в лесу, спрятать технику. К тому времени в лесу под Минском собралось несколько уцелевших рот пограничников, много разрозненных групп и подразделений 10-й и 3-й армий, всего несколько тысяч человек.

Полковник Стрельбицкий взял на себя командование ими... Дальнейшие события показали, что я не ошибся в выборе заместителя. Полковник

Стрельбицкий оказался превосходным командиром и умелым организатором...».

Подольское пехотное и артиллерийское училища своим созданием были обязаны той военно-политической ситуации, которая складывалась в стране накануне Великой Отечественной войны.

В конце 1939 года И.В. Сталин затребовал справку о качественном составе командного состава Красной Армии. 85 процентов командного состава армии и флота было моложе 35 лет. 29 ноября 1938 года на заседании Военного совета при наркомате обороны К.Е. Ворошилов заявил как «великом достижении», что в Академии Генерального штаба в 1937 году были арестованы крупнейшие ученые, создатели военных трудов, в том числе и военно-исторических, – Верховский, Вакулич, Свечин, Алкснис, Баторский, Алафузо, Малевский, Жигур, Михайлов, Циффер и другие. Такие же повальные аресты были учинены и в других академиях и воинских частях. Арестованы, расстреляны почти все командующие военными округами.

Назначенный в январе 1937 года начальником Политического управления Красной Армии Л.З. Мехлис создал в Красной Армии обстановку сплошного недоверия. Мехлис произвел буквально опустошение в округах, частях, да и в центральном аппарате Наркомата обороны. Ему по установленному им графику шли доклады о чистке в армии.

Вот только одно из многих донесений, которые направлялись Мехлису. Комиссар одной механизированной бригады докладывал ему, что только в июле-июле 1938 года в бригаде было разоблачено арестовано 13 врагов народа, «оказавшихся шпионами разных государств». И далее: «представлен на увольнение, как не внушающих политического доверия, только одних «зарубежников» и связанных с зарубежьем 52 человека».

За десять месяцев 1938 года было выдвинуто 100 тысяч новых командиров. Из 108 членов Военного совета старого состава осталось лишь 10 человек. Увидев огромные пустоты в кадрах, Сталин тоже приказал увеличить число академий, создать новые училища.

На 1 июля 1941 года было 46 пехотных и 25 артиллерийских училищ. К 1 сентября 1941 года число пехотных училищ увеличилось до 57, артиллерийских – до 29. Если накануне войны было всего 16 танковых училищ, то в первый период Великой Отечественной войны их число выросло до 28.

Наступило воскресенье, 22 июня. Лагерь ждал полной жизнью. Шли стрелковые и спортивные соревнования, участники кружков самодеятельности готовились к выступлению. Но вот радио передавало речь заместителя председателя Совнаркома СССР

В ходе чистки было «вычищено» более сорока тысяч человек:	Из них репрессировано:
пять Маршалов Советского Союза	трое (Тухачевский, Егоров, Блюхер)
два армейских комиссара первого ранга	оба
два флагмана флота 1-го ранга	оба
два флагмана флота 2-го ранга	оба
шесть флагманов 1-го ранга	все шестеро
пятнадцать флагманов 2-го ранга	девять
четыре командарма 1-го ранга (генерала армии)	два
двенадцать командармов 2-го ранга	двенадцать
пятнадцать комиссаров 2-го ранга	пятнадцать
67 командиров корпусов	шестьдесят
28 корпусных комиссаров	двадцать пять
199 командиров дивизий	136
97 дивизионных комиссаров	79
397 командиров бригад	221
36 бригадных комиссаров	34

В.М. Молотова о нападении фашистской Германии на Советский Союз.

Курсанты и начсостав в один голос заявили о своей готовности отдать все для победы над ненавистным врагом. И это не было только словами. Изменился весь строй жизни училища. Люди старались быть более подтянутыми, исполнительными, энергичными.

Условия войны требовали нового дополнительного напряжения всех сил. Служба стала значительно сложнее. Многие командиры и политработники в первые дни войны получили новые назначения в части действующей армии. Сразу почувствовался некомплект начсостава. Батальоны училища несли боевую службу, выполняя оперативные задания по борьбе с вражескими воздушными десантами. В силу этого 2-й батальон 24 июня убыл из лагеря на зимние квартиры в Подольск, а несколько позже четвертый батальон — в город Серпухов.

Кроме боевой работы и разбросанности расположения, осложняли боевую подготовку также воздушные тревоги, которые с конца июля 1941 года объявлялись почти каждую ночь вследствие попыток фашистских самолетов прорваться к Москве и нанести разрушение городам на подступах к столице. В то же время училище перешло на шестимесячный срок подготовки лейтенантов, то есть срок обучения сократился в четыре раза. Каждая минута была на учете. Очень часто курсанты, командиры и преподаватели, не спав всю ночь или подремав 1–2 часа в связи с воздушной тревогой или выполнением оперативного задания, напряженно изучали тактику, огневое дело, топографию, марксистско-ленинскую теорию и другие предме-

ты, борясь с совершенно естественным стремлением ко сну. Они показывали, что умеют в любых условиях выполнять свой долг перед советским народом, преодолевая стоящие на пути трудности.

При училище проходили сборы политбойцов. Коммунисты и комсомольцы, мобилизованные в армию, овладевали военным делом, чтобы затем влиться в части действующей армии в качестве их боевого ядра. Через сборы политбойцов прошло более 4000 человек. Все это было сделано в условиях некомплекта начсостава. Многие командиры и политработники одновременно исполняли тогда по две-три должности, работая без устали над подготовкой кадров для фронта.

Лагерный период подходил к концу. Училище успешно справилось со своими задачами, перестроилось на военный лад, сочетая учебу с готовностью в любую минуту выступить на выполнение боевой задачи. Это показал сентябрьский выпуск — второй выпуск училища, когда 918 курсантов, прошедших подготовку по ускоренной программе, были удостоены звания лейтенантов Красной Армии.

Вместо выпущенных в батальоны вливались новые курсанты. Августовско-сентябрьский набор был первым военным набором курсантов. Курсанты нового пополнения прибыли из запаса и почти все имели среднее или высшее образование. Это были главным образом представители советской интеллигенции. Они горели желанием быстрее завершить свою командирскую подготовку, чтобы схватиться со смертельным врагом нашего народа — немецкими фашистами.

И вот наступил момент, когда член Военного совета Московского военного округа К.Ф. Телегин

Л.А. Мамчич

В.И. Базыленко

отметил: «Главная наша надежда и опора в эти часы – подольские училища...».

Около 15 часов 5 октября заместитель командующего Московским военным округом генерал-майор Н.П. Никольский вызвал к аппарату майора С.А. Романова, командира 2-го курсантского батальона, исполнявшего в тот день обязанности начальника пехотного училища (генерал-майор В.А. Смирнов находился в районе действий порученных ему истребительных отрядов).

– Немедленно поднимите по тревоге одну из рот, – сказал Никольский. – Направьте ее в качестве передового отряда по маршруту Подольск – Малоярославец – Медынь – Мятлево с задачей: войти в соприкосновение с противником для ведения сдерживающих боев до занятия главными силами училища Ильинского рубежа.

Через двадцать минут – снова звонок: член Военного совета округа К.Ф. Телегин спросил, правильно ли понята задача. Услышав ответ, сказал:

– Задача понята правильно. Ускорьте выполнение.

В приказе по училищу № 257 говорилось: «В соответствии с данным указанием командующего войсками Московского военного округа полагать училище выбывшим на фронт в качестве отдельной боевой группы действующей армии...».

Комбат Романов немедленно поднял по тревоге 6-ю роту, ставшую ядром передового отряда. Командиром передового отряда был назначен старший лейтенант Л.А. Мамчич.

Шестая рота обедала, когда Мамчич вошел в столовую.

– В ружье, – скомандовал он.

Сергей Андреевич Романов не случайно остановился на кандидатуре Леонтия Акимовича. Его отличали не только сильная воля, но и умение самостоятельно принимать решения, авторитет среди курсантов, физическая выносливость. Единственный из командиров училища он имел специальный значок парашютиста.

Военным комиссаром передового отряда стал уполномоченный особого отдела пехотного училища политрук Я.П. Киселев. В этот день ему исполнилось двадцать два года. Представителем штаба ППУ в передовом отряде назначили капитана Е.П. Чельшева.

Согласно приказу командования теперь требовалось присоединить к передовому отряду ППУ артдивизион Подольского артиллерийского училища.

Остановившись на юго-западной окраине Подольска у ворот ПАУ, майор С.А. Романов направился в здание, где размещался кабинет начальника училища полковника И.С. Стрельбицкого. Не найдя Стрельбицкого в кабинете, майор Романов зашел в кабинет начальника учебной части подполковника В.С. Смирнова.

– Да, мне известно распоряжение о выделении двух батарей от нашего училища для передового отряда. Сейчас прикажу собрать командиров с их квартир...

В это время вошел начальник училища И.С. Стрельбицкий. Майор Романов попросил ускорить выделение батарей. Передовой отряд ППУ ожидает артиллеристов.

– Время не терпит, день уходит, – закончил Сергей Андреевич.

Полковник Стрельбицкий ответил, что он человек новый, недавно назначен, людей не знает и все сделает начальник учебного отдела, который работает давно и прекрасно выполнит задачу.

Действительно, подполковник Смирнов активно включился в дело формирования батарей. Сводный артдивизион под командованием капитана Я.С. Россикова и старшего политрука М.М. Пост-

нова был сформирован. Командирами батарей назначили старшего лейтенанта Т.Г. Носова и капитана В.И. Базыленко. Когда майор С.А. Романов посмотрел на часы, было около 20 часов. Воскресный день заканчивался.

При выступлении на фронт училище дополнительного вооружения не получило. Из имевшегося в училище боевого оружия значительная часть была израсходована для вооружения формирующихся при училище арtpолков и отправлявшихся на фронт рот политбойцов. Поэтому к моменту выступления на фронт в наличии было только следующее вооружение: винтовки образца 1891–1930 годов на каждого курсанта, ручных пулеметов по 8 на каждый батальон, станковых пулеметов «максим» — 23, а минометов — 9 на все училище.

Обеспеченность боеприпасами, за исключением винтовочных патронов, была слабая. Например, мин было всего 350 штук, противотанковых гранат — 240 штук.

Технические средства связи отсутствовали.

Весь путь от Подольска до Малоярославца передовой отряд проделал без происшествий. В двенадцатом часу ночи 5 октября Л.А. Мамчич доложил о прибытии отряда коменданту Малоярославского укрепленного района, бывшему старшему преподавателю кафедры общей тактики Военной академии имени М.В. Фрунзе.

— Обстановка исключительно напряженная, — сказал комендант. — Следуйте к реке Изверь. Кроме десантной группы, там никого нет.

Около полуночи по приказу И.В. Сталина из Тулы вернулся командующий Московским военным округом и Московской зоны обороны П.А. Артемьев. Не задерживаясь в Москве, он срочно выехал в Калужский укрепленный район, предварительно отдав распоряжение своему заместителю генералу Никольскому направиться в Малоярославец. Он и стал свидетелем разговора между комендантом Малоярославского укрепленного района и Л.А. Мамчицем.

— Правильно, — вмешался генерал. — Надо идти вперед, пока не столкнетесь с противником. Даю вам свой броневик...

Медынь встретила курсантов ночным пожаром.

У городского сада колонна прошла мимо старика с блеснущими на груди Георгиевскими крестами, причитавшего при отсверках огня над телегой с телами убитых — женщины и ребенка:

— Деточки мои, деточки...

Горе лишило георгиевского кавалера рассудка, хотя видел он в жизни немало смертей.

За Медынью — неизвестность, темнота и безлюдье.

Е.П. Челышев

Я.П. Киселев

Но вот у деревни Воронки на шоссе показались какие-то фигуры. Броневик, в котором находился Мамчич, остановился.

— Кто такие?

— Из авиадесантного отряда.

— Где командир?

На берегу Извери встретились десантники и передовой отряд подольских училищ.

Передовой отряд курсантов вошел в подчинение командира авиадесантников И.Г. Старчака.

Перед рассветом ушла вперед разведка лейтенанта С.В. Братова. Мамчич и представитель штаба пехотного училища капитан Е.П. Челышев с нетерпением ждали ее возвращения. Наконец послышались голоса, и к ним подошел Братов с двумя курсантами.

— Докладывайте...

Судя по сообщению Братова, гитлеровцы не подозревали о прибытии подкрепления у русских.

В.Ф. Леонов

Н.М. Иванов

6 октября в 6 часов утра курсанты и десантники перешли в наступление и к 8 часам достигли Угры.

Участник боев в передовом отряде москвич В.Ф. Леонов вспоминает: «...Видим перед собой гитлеровцев... Бегут назад. Не верим своим глазам. Однако это не сон: враг бежит. Бежит от нас, курсантов. Мы ликуем, успех удваивает силы...».

По полученным сведениям, со стороны противника в этом бою участвовал моторизованный полк, усиленный тремя дивизионами артиллерии, саперным батальоном и ротой легких танков. Гитлеровцы оставили на поле боя 300 человек убитыми и пять сгоревших танков.

Выстрелом пушки фашистам удалось поджечь автомашину со снарядами. Пламя охватило кабину и готово было перекинуться на кузов. Старший политрук Н.М. Иванов, секретарь партбюро артдивизиона, первым бросился к машине:

– Ребята, снаряды!

В грохоте боя его услышали курсанты и поспешили на помощь. Решительно действовали курсанты 1-й батареи ПАУ, уроженец города Жердевки Тамбовской области Александр Кожухов и подольчанин Анатолий Логинов. Снаряды были спасены.

До 16 часов передовой отряд находился на рубеже Кувшиново–Красный Столб, после чего отошел за реку Изверь, заняв высоты на ее восточном берегу.

Как писал, подытоживая события, К.Ф. Телегин, «на наиболее угрожаемом направлении восточнее реки Угры... выигран еще один драгоценный день, в течение которого было сделано очень много для накопления сил...».

А гитлеровцы?

Как показали пленные, перед курсантами находились части 57-го моторизованного корпуса генерала танковых войск Кунтцена (начальник штаба – подполковник Фагнор). Корпус участвовал в войне с первых часов нападения фашистской Германии на Советский Союз. Уже в директиве по плану «Барбаросса» на сосредоточение и развертывание 3-й танковой группы 57-му корпусу предписывалось перейти границу на участке реки Неман от Друскининкай до Меркине. В конце сентября он вел бои на Валдайской возвышенности.

И вот – начало октября. Не рассчитывая встретить на своем пути сопротивление советских войск, гитлеровцы были уверены в возможности беспрепятственного продвижения к Москве: слишком глубоким оказался их прорыв по Варшавскому шоссе...

Начальник генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии Франц Гальдер отмечал 5 октября 1941 года в военном дневнике:

«Сражение на фронте группы армий «Центр» принимает все более классический характер... Танковая группа Гейнера, обходя с востока и запада большой болотистый район, наступает в направлении Вязьмы. Перед войсками правого фланга танковой группы Гейнера, за которым следует (57-й) моторизованный корпус... противника больше нет...».

7 октября с восходом солнца дозорные боевого охранения на Варшавском шоссе заметили, что в сторону обороны курсантов идут два танка и два бронетранспортера с пехотой.

– Приготовить гранаты! – скомандовал командир отделения сержант И.И. Сурхаев.

Боевое охранение выждало, когда колонна втянулась в выемку между высокими откосами шоссе, занятыми отделением.

Первая граната разорвалась у головного танка, еще две – в хвосте и середине колонны. Пытавшаяся оказать сопротивление пехота попала под огонь пулеметов Ивана Макухи и Теминдара Асанова.

Курсанты занимали настолько выгодную позицию, что ответный огонь противника не достигал цели. Бой оказался кратковременным.

Снимая расстрелянный диск, Макуха удовлетворенно произнес:

– Не зря ж я искал вас от Киева...

– Из-под Киева?

Курсант Секерко, белобрысый, с голубыми глазами, укоряюще посмотрел на недоверчивого соседа:

– Точно. Нас с ним из Киевского пехотного в Подольск на учебу направили...

Достали нехитрую еду, начали завтракать. За едой вспомнили училищные ЧП и их виновников танцора Котова, запевалу Королева, Лабушева, тянувшего в строю ногу, из-за чего всегда нарушался строй. Не забыли строгого и справедливого командира 6-й роты Мамчича, который, заметив у курсантов отсутствие усердия в оборудовании окопа, всегда говорил: «Десять метров окопа лучше, чем метр могилы».

Как счастливый сон, вспоминались покинутый дом, близкие. Постоянно жившая рядом опасность обостряла потребность поделить дорогим сердцу, уловить созвучный отклик в душе товарища.

– А у тебя девушка есть? – спросил Секерко Алексея Родионова.

– Была.

– Что, расстались?

– Нет.

– Погибла?

– Умерла.

Курсанты слышали трогательную историю дружбы. Тяжелый недуг приковал девушку к постели, и единственное, что ее поддерживало, это чуткое внимание друга, вера в глубину его чувства.

Разговор вдруг прервался. В воздухе кружила «рама» – немецкий самолет-разведчик. Едва курсанты рассредоточились, как появилось три десятка «юнкерсов». На позиции передового отряда посыпались бомбы. Гитлеровцы решили смешать все живое с землей.

После бомбардировки они начали артиллерийский обстрел, длившийся почти час. На площадь в 600 метров по фронту и 400 в глубину обрушился огонь нескольких десятков орудий и минометов. Все потонуло в грохоте.

Едва закончился обстрел, как на позицию курсантов двинулось до двух батальонов гитлеровской пехоты. Обладая численным превосходством, фашисты настолько приблизились, что стали различимы их лица.

– За Москву! – воскликнул командир взвода Петр Корж.

В.И. Велик

В.Г. Могильный

Штыковая атака оказалась стремительной и неожиданной для врага. В наступившую тишину поверили не сразу. Будто издали донеслись слова песни «У меня есть муж – молодой Ахмед».

– Велик поет!

Курсант 1-й батареи Войцех Велик напевал свою любимую песню. Это он вместе с сержантом Звадой вовремя открыл огонь из миномета, лишив врага возможности нанести удар на слабо защищенном участке. Появились первые улыбки. Улыбались тому, что живы, что выстояли, не дали фашистам продвинуться к Москве. Огневое крещение они выдержали с честью. Отважно действовали курсанты Ефим Казаков и Сергей Косенчук. Ведя огонь до последнего патрона, они дали своему подразделению возможность отойти на новую позицию. Владимир Емельянов уничтожил двух снайперов, а затем сумел вывести товарищей из окружения.

А.А. Полковников

Т.С. Позолотин

И.Я. Петров

Отличились командиры батарей капитан В.И. Базыленко и старший лейтенант Т.Г. Носов, кур-

санты-артиллеристы Константин Вертелин, Михаил Сапожников, Василий Могильный, Леонид Полковников, начальник штаба дивизиона Владимир Костогрыз, командир взвода разведки пехотного училища младший лейтенант А.А. Гришин, разведчик И.И. Наглый, курсант Н.И. Волков, курсант-связист Николай Игнатов, уполномоченный особого отдела комиссар Я.П. Киселев.

Под разлапистой елью, тяжело дыша, лежал раненный в живот сержант И.И. Сурхаев.

В этом бою принимал участие и военфельдшер пехотного училища, выпускник Ленинградского военно-медицинского училища имени Н.А. Щорса Иван Яковлевич Петров. Он стал последним, кто видел еще живым военного комиссара сводного артдивизиона ПАУ, старшего политрука М.М. Постнова, получившего тяжелое ранение.

«Я видел, как Постнов подал команду для атаки, – вспоминал Иван Яковлевич. – И тут же упал. Под огнем противника я подполз к нему и наложил повязку на глубокую рану головы. Он приоткрыл глаза. Видимо, узнал и что-то попытался сказать. У него ничего не получилось. «Лежите спокойно», – произнес я. Сам говорю, но вижу, что Постнов меня уже не слышит...».

К 20 часам передовой отряд усилился 2-й ротой пехотного училища под командованием старшего лейтенанта М.Х. Максумова, батареей 222-го зенитного артполка, а ночью – 1-й ротой 108-го запасного стрелкового полка.

Утром 8 октября передовой отряд сосредоточился в деревне Чернышевке и в десять часов пошел в наступление, имея осью шоссе на Юхнов.

Продвинувшись до рубежа Пушкино, подразделения попали под сильный минометный огонь с направления Красный Столб. Темп наступления ослаб; только к 13 часам отряд вышел на рубеж один километр восточнее Кувшинова, но после 17 часов курсанты отошли за реку Изверь.

Вернувшись в блиндаж, Мамчич прилег на еловый лапник и только тогда почувствовал, как силы оставляют его, – дали о себе знать контузии и ранение. Перед ним как в тумане прошли последние минуты боя. Умелые действия курсанта-артиллериста Михаила Сапожникова из батареи Т.Г. Носова, бой раненых курсантов во главе с Борисом Калабиным, фигура пленного обер-лейтенанта, все время пытавшегося увидеть мощную оборону русских на Варшавском шоссе, но так и не разглядевшего ничего, кроме редкой цепи курсантов.

Силы окончательно покинули Мамчича. Командование 6-й ротой принял на себя лейтенант Гончар.

Прибывший на участок боевых действий передового отряда генерал-майор В.А. Смирнов приказал оставить усиленное боевое охранение на высо-

тах два километра западнее моста через реку Изверь и с утра подготовиться к повторному наступлению совместно с танковой бригадой.

Из беседы в штабе Западного фронта и анализа обстановки у генерала армии Г.К. Жукова сложилось впечатление, что неудачи в районе Вязьмы можно было бы предотвратить, своевременно определив направление основных ударов гитлеровцев.

Георгий Константинович позвонил Верховному. Сталин одобрил решение Жукова выехать в штаб Резервного фронта к С.М. Буденному. Его предстояло искать где-то под Малоярославцем.

По земле стлался густой туман. Жуков подъезжал к полустанку Оболенское, когда показались два связиста, тянувшие связь через реку Протву.

От них он узнал, что штаб Резервного фронта находится на горе. В комнате одного из домиков Георгий Константинович застал представителя Ставки, армейского комиссара 1-го ранга Л.З. Мехлиса и начальника штаба фронта генерал-майора А.Ф. Анисова. Буденного не было, и со слов того и другого Жуков понял, что узнать что-либо конкретное об обстановке ему не удастся. Он продолжил путь к Малоярославцу. В здании райисполкома Георгий Константинович встретился с Семеном Михайловичем Буденным. Поздоровались. Затем он спросил:

— В чьих руках Юхнов?

Ответ оказался неопределенным.

Попросив Буденного доложить Сталину об их встрече в Малоярославце, Жуков поехал дальше.

Позднее он вспоминал:

«...С тяжелым сердцем двинулся я в сторону Юхнова. Временами приходилось притормаживать и внимательно осматриваться, чтобы не заехать в расположение врага.

Километров через 10 – 12 меня внезапно остановили в лесу вооруженные советские солдаты в комбинезонах и танкистских шлемах. Один из них подошел к машине.

— Дальше ехать нельзя, — сказал он. — Вы кто будете?

Я назвал себя и, в свою очередь, спросил, где их часть.

— Здесь, в лесу, в ста метрах, стоит штаб танковой бригады.

— Очень хорошо. Проведите меня в штаб.

Меня обрадовало, что здесь оказалась танковая бригада. В штабе навстречу мне поднялся невысокого роста, подтянутый танкист в синем комбинезоне, с очками на фуражке. Сразу показалось, что этого человека я где-то видел.

Докладывает командир танковой бригады резерва Ставки полковник Троицкий.

— Троицкий! Вот не ожидал вас встретить здесь!

Г.К. Жуков

И.И. Наглый

И.И. Троицкий мне запомнился по Халхин-Голу, где в 1939 году он был начальником штаба 11-й танковой бригады, той самой, которой командовал Герой Советского Союза Яковлев. Эта бригада была грозой для японцев.

— Я тоже не думал, что встречу вас здесь, товарищ генерал армии. Знал, что вы командуете Ленинградским фронтом, а что вернулись оттуда, не слышал...».

Полковник рассказал Г.К. Жукову о положении в районах Юхнова, Калуги. После его отъезда часть бригады была развернута, чтобы прикрыть Медынь. Курсантам Жуков поставил задачу: вести оборонительные бои и изматывать противника.

9 октября 1-й танковый батальон 17-й танковой бригады под командованием Т.С. Позолотина свернул с Варшавского шоссе и по лесной малонаезженной дороге, не дойдя километра до Вязище, остановился. Впереди был отчетливо слышен грохот боя. От морозящего дождя и сырос-

Н.В. Гедзюк

Я.С. Росиков

ти на триплексах смотровых щелей выступила росистая пелена, через которую очень плохо просматривалась местность. Танкисты то и дело чистой ветошью протирали триплексы и стекла перископов.

Наконец в наушниках танкошлемов раздался голос Позолотина: «Вперед!».

Бойцы мотострелкового батальона капитана Масляникова уничтожили танкетки и до 70 солдат и офицеров противника. Через четыре часа гитлеровцы перебросили свою пехоту на автомашинах, делая попытку обойти левый фланг бригады. В час дня взвод роты под командованием лейтенанта Дерюгина отбросил врага на противоположный берег реки Изверь. На напряженном участке боя сражался экипаж комиссара батальона Н.В. Гедзюка. «Экипаж комиссара Гедзюка, – писала «Красная звезда», – уничтожил 6 противотанковых орудий, расстрелял группу автоматчиков и до взвода немецкой пе-

хоты. В другой атаке этот экипаж зажег три фашистских танка...».

В этот же день в бой вступили воины охраны головного авиационного склада в составе 53 бойцов и 17 человек командного состава. Они заняли оборону вокруг деревни Гришино. Одной группой на левом фланге командовал старшина Иванов, другой на правом фланге – младший лейтенант Луценко.

Первыми в бой вступили воины под командованием старшины Иванова.

В 19 часов со стороны станции Мятлево показалось новое подразделение врага. Солдаты шли густой цепью. Когда они вступили на территорию склада, охрана, предварительно открывшая все спускные краны у цистерн с авиационным горючим, подожгла его. Раздался мощный взрыв. Он оказался настолько сильным, что буквально смел цепи противника.

Начальник Подольского пехотного училища генерал-майор В.А. Смирнов (он же – начальник центрального сектора Малоарославецкого укрепленного района) усилил передовой отряд 1-й ротой училища под командованием капитана С.П. Лаврентьева, занявшей совместно с медыньским истребительным батальоном оборону по реке Шане.

Ответственность, возложенная на Смирнова за руководство боевыми действиями курсантов, была безмерно велика. Но как сдерживать натиск врага? Не хватало людей, боеприпасов.

– Вам дали артиллерийский полк, – сказал ему заместитель командующего округом генерал-майор Н.П. Никольский. – Решайте поставленную задачу!

Хорошо сказать – полк, когда он насчитывал всего восемь 37-миллиметровых орудий. А 517-й артполк? Четыре орудия. А 222-й зенитный артполк? Из передового отряда его батарея вышла с одним орудием. Удалось, правда, из отходивших одиночек и небольших групп сформировать четыре стрелковые роты. Только как этого мало...

Выслушав доклад капитана П.А. Пальчика, объединявшего командование ротами училища, Смирнов потребовал провести глубокую разведку с задачей выяснить, какими силами располагает враг, занявший рубеж Кувшиново – Красный Столб.

– Знаю, трудно, – произнес начальник училища. – Но незнание противника может привести к непоправимым последствиям.

Капитан хотел доложить, что в 6-й роте осталось 20 человек, однако понял: ситуация от этого не изменится, приказ придется выполнять, даже если в роте останется он один.

Обдумывая создавшееся положение, Смирнов мучился вопросом: почему гитлеровцы действу-

ют передовыми отрядами, не используя основных сил?

Вскоре ответ был получен. Основные силы гитлеровцев выдвинулись на север, заняли Гжатск, вышли в тыл армиям Западного фронта. Для этих армий, собственно, и готовилась Можайская линия с ее укреплениями. Отрезав же от нее окруженные войска Западного фронта, гитлеровская группировка развивала наступление по всем открывшимся направлениям — можайскому, волоколамскому, калужскому, малоярославецкому. Для того чтобы воспользоваться подготовляемой обороной, на Можайский рубеж теперь потребовалось бы выдвинуть какие-то силы из тыла. Их предстояло срочно собрать, что и делало Верховное Главнокомандование.

К вечеру линия фронта обозначилась горящими деревнями. Где-то в стороне Медыни еще шел бой. Это из окружения прорывалась артиллерийская батарея. Она прошла по вражеским тылам более 150 километров от Рославля мимо Спас-Деменска на северо-восток...

В районе Калуги Г.К. Жуков разыскал офицер связи штаба фронта и вручил ему телефонограмму начальника Генерального штаба Б.М. Шапошникова. И.В. Сталин приказывал Жукову прибыть 10 октября в штаб Западного фронта в Красновидово.

Георгий Константинович позвонил Шапошникову, чтобы узнать о причине вызова.

— Дело в том, что Государственный комитет обороны рассматривает сейчас вопрос о расформировании Резервного фронта и передаче его частей и участков обороны в состав Западного, — сказал маршал Шапошников. — Ваша кандидатура рас-

сматривается на должность командующего Западным фронтом...

9 октября Ставка создала фронт Можайской линии обороны во главе с командующим Московским военным округом П.А. Артемьевым, заместителем командующего генерал-майором артиллерии Л.А. Говоровым, начальником штаба генерал-майором А.И. Кудряшовым. Все укрепленные районы переименовались в боевые участки. Начальником Малоярославецкого боевого участка назначался командир еще не сосредоточившейся 312-й стрелковой дивизии полковник А.Ф. Наумов. Дивизия формировалась в Актюбинской области. Около 35 процентов ее состава были ответственные партийные и комсомольские работники. На усиление войск, отходивших на Можайскую линию обороны, Ставка направила 11 стрелковых дивизий, 16 вновь сформированных танковых бригад, более 40 артиллерийских полков. Их прибытие ожидалось в ближайшие дни.

Время борьбы передовыми отрядами подходило к концу. «Начинается настоящая боевая страда, — сказал П.А. Артемьев Телегину, получив директиву о создании нового фронта, — смертельная борьба за удержание переднего края Можайской линии обороны».

10 октября Ставка Верховного Главнокомандования объединила Западный и Резервный фронты в Западный фронт. Командующим фронтом был назначен генерал армии Г.К. Жуков. Для создания сплошной обороны сил не хватало и потребовалось решение занять войсками сначала главнейшие направления: волоколамское, можайское, малоярославецкое, калужское.

Одно из зданий
Подольского артучилища
(2003 год)

Малоярославецкое направление прикрывала 43-я армия, части которой заново переформировывались.

Учитывая, что враг может обойти Малоярославец с юга, командование армии закрыло пока еще тыловой рубеж Сухоносово – Тарутино – Дубровка силами 60-й стрелковой дивизии. Совсем недавно она еще вела бои под Спас-Деменском. В ожесточенных схватках погиб ее командир генерал-майор Л.И. Котельников.

Понесшие большие потери части отошли в направлении Вязьмы и Малоярославца. Сборным пунктом дивизии стало село Тарутино. Вскоре противник прорвал нашу оборону на калужском направлении, развивая наступление на Тарусу и Серпухов. Решением Военного совета Западного фронта 60-ю стрелковую дивизию срочно передали в состав 49-й армии.

В этот же день, 10 октября, авиация гитлеровцев начала усиленные разведывательные полеты над позициями курсантов и 17-й танковой бригады. С 13 часов на флангах передового отряда гитлеровцы проявили большую активность. К 14 часам группа автоматчиков зашла в тыл 1-й курсантской роты, оборонявшей мост через реку Шаню. Со значительными потерями этой роты удалось вырваться из кольца и с остатками 2-й, 6-й рот, оставив Медынь, отойти к деревне Дворики.

Согласно телефонограмме командующий 43-й армией П.П. Собенников был отозван в резерв Верховного Главнокомандования, а начальнику Подольского пехотного училища генерал-майору В.А. Смирнову приказывалось вернуть Медынь.

В Двориках передовой отряд курсантов пополнился 3-й ротой старшего лейтенанта С.В. Кубарева, разведотрядом 53-й стрелковой дивизии, окруженцами 222-й, 211-й стрелковых дивизий и несколькими танками 17-й танковой бригады.

11 октября В.А. Смирнов отдал приказ вернуть Медынь. Гитлеровцы встретили цепи курсантов и бойцов артиллерийским и минометным огнем. Из-за авиационных налетов танкисты не смогли поддержать наступление. Возвратить Медынь оказалось невозможным.

Отступая с боями, отряд в конце концов вышел в район Ильинского сектора Малоярославецкого боевого участка. За ту без малого неделю, пока передовой отряд вел неравные бои, здесь развернулись основные силы подольских пехотного и артиллерийского училищ.

Передовой отряд курсантов полностью выполнил поставленную перед ним задачу.

С созданием Можайской линии обороны все укрепленные районы были переименованы в боевые участки. Начальником Малоярославецкого боевого участка был назначен полковник А.Ф. Наумов,

командовавший 312-й стрелковой дивизией, пр бывшей из Казахстана. Она включалась в состав 43-й армии, переданной 10 октября из Резервного фронта Западному.

Приняв командование боевым участком, А. Наумов не имел времени ни на рекогносцировку ни на перегруппировку частей и подразделений уже занявших оборонительные рубежи.

Подольские училища остались с прежними задачами. Основные их силы, подкрепленные 108-м запасным стрелковым полком, 301-м пулеметным батальоном и большей частью имеющейся артиллерии, обороняли непосредственно прмывавшую к шоссе позицию перед мостом в селе Ильинском. Это было наиболее опасное направление из-за танков противника.

Возможность закрыть другое направление, к которому танки могли двинуться на Боровск, в оход правого фланга курсантов, появилась только благодаря прибывшему 1083-му полку 312 стрелковой дивизии (с дивизионом 859-го артполка). Левый фланг обороны курсантов прикрывал 1079-й полк 312-й стрелковой дивизии и две батареи 859-го артполка, 303-й пулеметный батальон огнеметчики.

Ожидалось, что гитлеровцы могут ударить несколько левее, в направлении на Калугу, чтобы выйти в районе Детчина на железную дорогу, ведущую через Малоярославец прямо к Москве. Здесь встал заслоном 4-й курсантский батальон Подольского пехотного училища с приданными ему подразделениями 312-й стрелковой дивизии (сводным батальоном 616-го стрелкового полка, огнеметной ротой, батареей противотанковых орудий и батареей «катюш»).

1081-му стрелковому полку своей дивизии А.Ф. Наумов приказал выгрузиться из эшелона в районе Наро-Фоминска, а затем следовать за 1-м батальоном в район Детчина с задачей прикрывать Детчино и Торбеево, остальным подразделениям быть в резерве.

Однако на левом фланге боевого участка на протяжении 20 километров войска занимали только отдельные районы. За правым флангом, на стыке с Можайским боевым участком, имелся 20-километровый просвет. Видя все это, гитлеровцы продолжали нажим по Варшавскому шоссе и южнее, в направлении Детчина, но основные силы 57-го моторизованного корпуса бросили против северного правого фланга боевого участка, незанятого нашими войсками. Это делалось для того, чтобы быстро овладеть Боровском и оттуда в дальнейшем действовать либо в направлении Наро-Фоминска, либо на Варшавском шоссе в тыл малоярославецкой группе.

По Варшавскому шоссе наступали 3-я моторизованная и 19-я танковая дивизии, южнее — 4-я моторизованная дивизия. Все эти соединения входили в состав 57-го моторизованного корпуса гитлеровских войск.

Изменения произошли в командовании 43-й армии. Вместо отозванного в резерв Петра Петровича Собенникова командующим 43-й армией сначала был назначен участник финской кампании бывший командующий 48-й армией С.Д. Акимов, а затем — генерал-майор К.Д. Голубев, до этого назначения командовавший 10-й и 13-й армиями.

Путь профессионального военного Константин Дмитриевич Голубев начал еще до революции рядовым 185-го запасного полка, затем окончил школу прапорщиков. Впоследствии командовал взводом, 6-м полком отдельной восточной бригады курсантов, окончил военную академию имени М.В. Фрунзе. Более трех лет Голубев командовал 22-й стрелковой дивизией Северо-Кавказского военного округа. Около полугода «командарм-43» пробыл на должности начальника отдела управления боевой подготовки РККА. После окончания военной академии Генерального штаба ВС СССР имени К.Е. Ворошилова Голубев работал старшим преподавателем кафедры армейских операций.

В первой половине предвоенного года на основе Временного полевого устава РККА были выпущены новые учебные пособия по общей тактике, методике боевой подготовки, истории военного искусства. Одним из их авторов являлся Константин Дмитриевич.

У слушателей академии Генштаба было еще свежо в памяти выступление Голубева на расширенном заседании кафедры оперативного искусства, на котором он выступил с докладом «О новых вопросах теорий оперативного искусства, вытекающих из последних событий».

Голубев всегда имел свое мнение по тому или иному вопросу.

Генерал-полковник Л.М. Сандалов в своей книге «На московском направлении» рассказывает, как он посетил Голубева в районе Унечи, когда тот командовал 13-й армией. Сандалов писал: «Константин Дмитриевич показал мне по карте положение войск на левом участке армии и тревожно спросил:

— Какие меры предпринимает фронт, чтобы остановить противника? Его моторизованные войска стремятся по частям окружить армию?»

Я показал Голубеву на карте намеченный для обороны рубеж за Десной, где мы рассчитывали остановить врага... Голубев иронически усмехнулся и махнул рукой:

— Все это бумажные планы...».

Требовательный к себе, командарм проявлял в осенние дни 1941 года высокую требовательность и к подчиненным. Однако если видел, что допущенная ошибка могла быть исправлена, всегда оставлял для провинившихся такую возможность.

Начальником штаба 43-й армии был назначен полковник А.Н. Боголюбов. Сын машиниста буксирных паровозов, Александр Николаевич окончил Высшую военную школу связи, Академию имени М.В. Фрунзе, Академию Генштаба. Его хорошо знали в военных кругах по книге «Полководческое искусство А.В. Суворова», в которой он дал анализ кампаний и сражений под командованием прославленного полководца. До назначения на должность в 43-ю армию он служил начальником оперативного отдела Резервного фронта. С Голубевым был хорошо знаком: вместе с ним учился. Оценивая своего начштаба, Константин Дмитриевич отмечал, что в острые моменты полковник Боголюбов проявлял хладнокровие, мужество и инициативу. Эти качества позднее проявились у него на постах первого заместителя начальника оперативного управления Генштаба, начальника штаба 1-го Украинского и 2-го Белорусского фронтов.

Начальником оперативного отдела штаба 43-й армии оставался комбриг Степан Иванович Любарский. Он занимал эту должность с августа 1941 года.

Учитывая складывающуюся ситуацию, командование 43-й армии считало необходимым: укрепить командный состав частей и соединений, перевести полевой штаб 43-й армии из деревни Каменка в деревню Ясенки, организовать прочную оборону на рубеже Боровск — Малоярославец — Калуга с ее развитием в глубину, палатить материально-техническое снабжение армии с использованием возможностей города Подольска, развернуть политико-воспитательную работу в войсках, поддерживая моральное состояние воинов.

Глава III. На Ильинских рубежах

«На пути врага встали достойные наследники ратной славы кутузовских солдат, сломавших хребет наполеоновской армии...».

К.Ф. Телегин, генерал-лейтенант

Никто не предполагал, что простое русское село Ильинское на Варшавском шоссе станет вскоре известным не только в Москве, но и в далеком Берлине. И никто не думал, что для погибающих солдат вермахта и курсантов подольских военных училищ последним глотком воды станет вода из реки Выпрейки, впадающей в реку Лужу.

Дорогой ценой было выиграно время для развертывания основных сил училищ в Ильинском секторе. Погибли командир 3-й роты С.В. Кубарев, командир взвода А.И. Выдрин, военком артдивизиона М.М. Постнов, курсанты: Иван Каленов, Яков Бродский, Иван Котляревский, Илья Гурчиани. Героически отдали свои молодые жизни командиры взводов Сергей Братов, Петр Корж. Когда западнее Мятлева взвод Братова был окружен и дело дошло до рукопашной схватки, он лично уничтожил нескольких гитлеровцев и увлек за собой курсан-

тов на прорыв кольца окружения. Глубоко уважали курсанты младшего лейтенанта Петра Коржа, имевшего незаурядную стрелковую подготовку. Незадолго до войны у него открылась язва желудка. Встал вопрос о его увольнении, но Петр настоял, чтобы ему дали возможность продолжить службу в училище. Корж погиб, руководя боем с превосходящими силами противника. Длинным будет список павших. В нем почти вся 6-я рота, от личного состава которой осталось 13 человек.

– Товарищ генерал!

Василий Андреевич обернулся на голос адьютанта.

– Прибыл лейтенант Ботвинский.

Илью Ботвинского считали убитым. И вот теперь лейтенант стоял перед генералом с перебинтованной головой, похудевший, готовый от усталости заснуть стоя. Его доклад был лаконичным. А на

река Выпрейка

другой день выяснились подробности выхода его взвода из окружения.

Прикрывая отход передового отряда, Ботвинский отошел к деревне Степановское. Под вечер курсанты вошли в глубокий овраг. Стоило им подняться наверх, прямо перед ними открылась деревня. Все облегченно вздохнули, рассчитывая на отдых. И вдруг впереди раздался детский голос:

– Стойте, туда нельзя! Там фашисты!

Усталые курсанты окружили мальчика, неведомо откуда появившегося перед ними.

– Ты кто ж будешь? – спросил его Ботвинский.

– Никишин Анатолий.

Из его рассказа курсанты узнали, что несколько часов назад гитлеровцы заняли деревню и, стало быть, закрыли единственный выход к основным силам училищ.

– Ничего, – произнес Анатолий. – Я знаю такую тропинку, что ни один фашист не увидит.

– Тогда считай себя солдатом, – сказал Ботвинский.

Неприметной тропой Никишин вывел курсантов на командный пункт в Ильинское.

Впоследствии он стал воспитанником Подольского пехотного училища. Плечом к плечу с И.М. Ботвинским Анатолий пройдет нелегкими дорогами войны от Москвы до Восточной Пруссии.

Выйдя из блиндажа, генерал Смирнов остановил свой взгляд на расплывшемся в сумраке и измороси бетонном доте, занятом час назад курсантами Леоновым, Корнеевым, Гусевым, Рассохой.

Дот был одним из многих таких сооружений на Можайском рубеже, возводившихся во исполнение директивы Государственного комитета обороны от 16 июля.

Военный совет МВО в свое время докладывал Главному политическому управлению РККА о затруднениях в строительстве Можайской линии обороны, но начальник управления обещал помощь лишь «по возможности», а в целом советовал не смотреть на обстановку «со своей колокольни»: главное – фронт, а потом уже заботы об обороне Москвы!

– Товарищ армейский комиссар, – настаивал член Военного совета МВО К.Ф. Телегин, – под угрозой сроки выполнения важного задания.

– А вы думаете, что об этом заботитесь только вы? Москве пока никакая опасность не угрожает, – ответил Л.З. Мехлис и добавил: – Надо в первую очередь укрепить фронт, тогда и Москва будет в безопасности...

Оборона курсантов проходила по восточному берегу рек Лужи и Выпрейки, от деревень Лукьяново, через Ильинское до Малой Шубинки. Берега рек служили хорошим естественным препятствием для вражеских танков. Перед траншеями ломаной линии

ей тянулись проволочные заграждения в три кола, а по западным берегам Лужи и Выпрейки, на наиболее опасных участках, было проведено минирование.

Да, укрепления оказались нелишними. Генерал Смирнов не знал о происходивших в августе спорах, однако затяжки в строительстве сказались на состоянии инженерных сооружений в Ильинском и еще более Детчинского сектора.

Готовность инженерных сооружений по дотам составляла 60 процентов, дзотам – 80, эскарпам – 48 процентов. Многие доты и дзоты не имели хорошего обзора, отсутствовали броневые щиты к дверям и амбразурам, почему и оказалось, что осколки от разорвавшегося снаружи снаряда могли проникнуть внутрь дота. На Ильинском рубеже доты, а на Калужском, в Детчинском секторе, дзоты высотой до трех метров не были замаскированы, четко выделялись на фоне местности и представляли собой удобные цели и ориентиры для противника. Не совсем удачно было намечено взаимодействие между огневыми точками, имелись и другие недостатки.

Тем не менее нельзя не отметить ту огромную работу, которую в невероятно тяжелых условиях провели строители Малоярославецкого укрепленного района. Об этом повествуют и страницы газеты «Красный воин», выездная редакция которой находилась в укрепленном районе с 4 по 10 октября во главе с батальонным комиссаром А. Белановским.

Последние дни, особенно 10–12 октября, на стыке с соседом слева, в районе Детчина, полотняного завода, рабочие батальоны вели сооружение оборонительной линии под огнем противника. События развивались настолько быстро, что курсантские подразделения принимали сооружения уже в боевой обстановке, и тогда эта процедура сводилась лишь к нескольким словам начальника участка строительства:

– Принимайте оборону!

«Нелегко будет им в бою, – подумал Смирнов о Леонове, Корнееве, Гусеве и Рассохе. – Хотя и обстреляны в передовом отряде. Что ж сделаешь? Теперь достраивать некогда!»

А ребята молодцы. Накануне проявили себя в боевом охранении.

Под утро, когда человека легче одолевает сон, они услышали шум моторов. Из сумрака вынырнули танки. Один, два, три, четыре... Открыла огонь артиллерия. Третий танк, маневрируя среди разрывов, пошел прямо на окоп курсантов.

Скрывшись в траншее, спустя мгновение курсанты почувствовали над собой грохот, гарь выхлопных газов. Стенки траншеи осели под тяжестью металла. Когда машина перевалила через окоп, с тыла в моторную часть полетели граната Леонова и бутылки с зажигательной смесью Корнеева, Гусева,

В.М. Склизов

Рассохи. И броня запылала. Пытавшийся спастись экипаж был уничтожен из стрелкового оружия.

Подошел начальник оперативной части штаба преподаватель тактики В.М. Склизов, с которым генерал был знаком с 1913 года, когда учился с ним в Виленском училище (даже койки стояли рядом).

– Что же там, Василий Максимович, выяснилось с истребительным батальоном? – спросил Смирнов.

– Выяснить ничего не удалось. Рация вышла из строя. Нет батареи.

- Кто на ней работал?
- Курсант Игнатов.
- Направьте его связным.

Нерадостная пришла весть из Некрасова. Артбатарея, выдвинутая туда, неожиданно встретилась с противником. Курсанты-артиллеристы с честью вышли из поединка, сумев под обстрелом врага развернуть орудия и открыть огонь. Но в схватке погибли командир 1-го дивизиона капитан Я.С. Россиков и его начальник штаба Владимир Костогрыз.

Возвратившись в блиндаж, генерал Смирнов подсел к столу. В напряжении дня ему некогда было просмотреть доставленные документы трофейной команды гитлеровцев. Пользуясь паузой, он открыл папку с оттиснутой свастикой. В перечне захваченного «военного имущества» оказались: крестьянские лапти, брюки, салфетки, трусы, детские горшки, чугуны и даже куклы.

– Воры! – возмутился Смирнов. – Бандиты!

Василий Андреевич уже знал о существовании в районе боевых действий подольских училищ партизанских групп Ерошкина и Кузьминова. Одна из них перерезала телефонно-телеграфный кабель, связывавший противника со штабом 4-й армии фельдмаршала фон Клюге в Юхнове, совершила нападение на конный отряд. Партизаны подорвали вражеские машины с продовольствием. «Война, собственно, только начинается», – сказал себе Смирнов.

Основной удар врага пришелся по позициям 3-го батальона Г.А. Бабакова, имевшего в своем составе курсантов всего лишь с пятнадцатидневным сроком обучения (сентябрьский набор).

Пользуясь превосходством в артиллерийско-минометном огне, гитлеровцы углубились в оборону курсантов на 300 метров. Бой продолжался три

Дот у моста через реку Выпрейку

часа. Потеряв шесть танков и 100 человек убитыми, фашисты отступили. Однако и потери батальона оказались значительными.

Упорство, с которым враг пытался прорвать оборону 3-го батальона, объяснялось тем, что в случае успеха он ближайшим путем выходил в тыл основным силам подольских курсантов.

Отражению натиска помогли умелые действия командира пешей разведки батальона девятнадцатилетнего Ивана Докукина и командира 3-го взвода 11-й роты Н.Я. Базарова, вовремя доставивших штабу ценные разведывательные данные. С их помощью комбат, старший лейтенант Г.А. Бабаков, раскрыл замысел врага и заранее сосредоточил силы на участке возможного прорыва.

Серьезное испытание выдержали пешие курсанты-артиллеристы 7-й батареи. Спустя годы ее курсант Николай Иванович Меркулов вспоминает: «Выждав, когда гитлеровцы подошли совсем близко, мы открыли огонь из пулемета и карабинов.

– Ура! – крикнул командир отделения Дмитрий Гладких.

– Ура! – поддержали мы Дмитрия и устремились из траншеи навстречу врагу.

После ожесточенной безуспешной атаки налетели вражеские самолеты. Первый заход, второй, третий...».

Вместе с бомбами фашисты сбросили на головы курсантов бочки, обрубки металла и даже – неслыханное варварство! – мешок с завязанным в нем человеком. К мешку была прикреплена бирка с надписью: «Вот вам председатель колхоза».

Принимались меры к тому, чтобы не допустить продвижения немцев к Боровску. Для усиления 1083-го стрелкового полка из резерва 312-й стрелковой дивизии были выдвинуты отдельная танковая рота и дивизион 12-го гвардейского минометного полка. Фашисты сосредоточили здесь 258-ю пехотную дивизию и часть 20-й танковой дивизии, что создавало не только угрозу обхода правого фланга боевого участка, но и выхода врага на левый фланг Можайского боевого участка.

Переформированная 113-я стрелковая дивизия получила боевую задачу – форсированным маршем выйти в район села Бутовка и атаковать немецко-фашистские войска. Сначала она действительно сумела не только занять указанный населенный пункт, но и выйти севернее деревни Сатино на берег Протвы. Однако контратаками пехоты гитлеровцы нанесли 113-й стрелковой дивизии чувствительные удары и заставили ее отойти в различных направлениях.

12 октября в село Ильинское выехал генерал-лейтенант Акимов, где он провел оперативное совещание командного состава Малоарославецкого

Г.А. Бабаков

Н.И. Меркулов

боевого участка. На совещание прибыли новый начальник штаба 43-й армии полковник А.Н. Боголюбов, член Военного совета армии дивизионный комиссар С.И. Шабалов, начальник оперативного отдела комбриг А.И. Любарский, начальник разведывательного отдела подполковник П.Ш. Шиошвили, начальник политотдела бригадный комиссар Г.Е. Ковальков, начальник артиллерии армии генерал-лейтенант В.З. Таранович, начальник тыла полковник И.А. Дементьев.

13 октября командовать правым флангом Малоарославецкого боевого участка было поручено генерал-майору В.А. Смирнову. Левый оставался под командованием полковника А.Ф. Наумова, как и стык Калужского (Детчинского) и Малоарославецкого боевых участков.

Гитлеровцы попытались прорвать оборону курсантов на участке 2-го батальона пехотного училища майора С.А. Романова. Курсанты выдержали натиск. Враг понес значительные потери, отступил.

Н.Ф. Савин

И.Д. Яровой

Владимир
Гофеншефер

Оставив попытки прорвать оборону на участке 2-го батальона, противник возобновил ураганный артиллерийский обстрел всего района обороны 3-го батальона ППУ. Авиация начала разрушать

противотанковый ров, сбрасывая 250- и 500-килограммовые фугасные бомбы. Весь огонь врага был нацелен на подавление огневых средств курсантов.

Сосредоточившись в деревне Башкировка, в 9 часов 30 минут гитлеровцы атаковали Большую Шубинку. Бой продолжался до конца дня. Враг вклинился в оборону 3-го батальона на глубину до 500 метров и овладел деревней.

Заботясь о сохранении личного состава, комбат Бабаков принял решение провести контратаку ночью.

В 23 часа 30 минут ему доложили о готовности рот к бою. Гитлеровцы жгли сарай на окраине Большой Шубинки, и деревня была видна как на ладони. При свете пожара они резали кур, поросят, чистили картофель, готовясь к ужину. По взрыву гранаты с криками «ура!» курсантские подразделения бросились на врага и восстановили положение.

Наутро гитлеровцы провели артиллерийскую и минометную подготовку. Затем налетела авиация, которая полностью разрушила противотанковый ров, большинство дотов первой и второй траншей, и лишь тогда фашисты 15 танками и 2 батальонами пехоты снова атаковали 3-й батальон.

Пример стойкости и мужества в бою показали командир 11-й роты ППУ Д.И. Назаренко, лейтенант Д.К. Тюленев, курсанты А.И. Корнеев, Б.П. Вавилов, помощник начальника политотдела пехотного училища по комсомольской работе Федор Семенов. В критические минуты большую роль сыграл огонь артиллерийской батареи на участке 9-й роты лейтенанта Н.Ф. Савина, уничтожившей пять прорвавшихся в тыл танков. Стойкость проявил курсант 9-й роты Петр Ученев.

Курсант 10-й роты пехотного училища, комсорг 3-го батальона Николай Макаров вспоминает: «К этому времени у нас осталось мало боеприпасов, но мы не падали духом. Каждый дрался за двоих, за троих. Много фашистских солдат и офицеров нашли себе могилу под Большой Шубинкой...».

Сражаясь в полуокружении, гарнизон дота лейтенанта И. Тимофеева не давал развиваться успеху врагу, захватившему первую линию обороны 12-й роты. Со склона оврага, поросшего кустарником, противник бил из минометов, стремясь подавить дот. Из гарнизона в живых остался лишь командир, да и тот был ранен. Ему на помощь пришли два отделения курсантов под командованием Сергея Гуляева.

Бой продолжался весь день. В сумерках гитлеровцы окружили дот. Тимофеева ранили вторично. Рискнув жизнью, его вынес в тыл Фаек Бахтиозин.

От полученной контузии курсант Яков Гаврилов потерял зрение. Придя в себя, он обратился к товарищам:

– Дайте мне дело, руки-то у меня есть!

Якову поручили набивать патронами пулеметные диски.

Отважно вели себя один из самых молодых курсантов артиллерийского училища Владимир Гофеншефер и курсант-пехотинец Александр Лебедевский.

Уважение курсантов заслужили воины огнеметной роты во главе со старшиной Михаилом Уруевым. Выйдя из окружения с ранцевыми огнеметами, они отразили на участке 8-й роты (командовал ею старший лейтенант И.Д. Яровой) натиск гитлеровцев, пытавшихся переправиться через реку Лужу.

Курсант Иван Симонов во время налета вражеской авиации, используя зенитно-пулеметную установку, сбил самолет. Он же вместе с группой курсантов забросал гранатами гитлеровских саперов, восстанавливавших мост через реку Лужу. Контуженный, почти оглохший, Симонов не покинул поле боя, несмотря на страшные головные боли.

Расчет под командованием Юрия Добрынина, находясь под непрерывным обстрелом, подбил шесть танков и два бронетранспортера. Танки еще шли на позицию курсантов, когда кончились снаряды. Комсомольцы Федоров, Куренков и Морев перебежками добрались до ближайшего дота и начали подносить оттуда снаряды.

Один из танков подошел к доту, замаскированному под деревенскую избу, где также было установлено орудие. Первый снаряд этого орудия попал в трак танка. Следующий – заклинил башню. Находившийся в соседней траншее курсант ПАУ Василий Торбиевский выстрелами из винтовки добил танковый экипаж.

С мяукающим воем разорвалась мина. Потянуло толовой гарью. Василий увидел, как за Выпрейкой, не скрываясь, минометный расчет противника вновь готовился открыть огонь. Из дота снова ударило орудие. Минометный расчет был уничтожен, но Торбиевский заметил, что один из гитлеровцев пришел в себя и попытался поползти. Василий прицелился, выстрелил – фашист ткнулся в землю.

– Молодец! – услышал Торбиевский голос Семена Стрельчени. – И лежачих бьешь?

– Всяких бью, – ответил Василий.

На некоторое время наступила тишина. Не долетев до позиций курсантов, разворачивался немецкий самолет-разведчик. Он пошел на снижение в сторону Медыни.

– На, закури, – протянул Стрельчени Василию трофейную сигару.

Оба закашлялись. А Семен в оправдание сказал:

– Не лезет, проклятая, фашистом пахнет!..

В тот день на Ильинском рубеже было подбито 14 танков. Вдоль шоссе валялись черные фураж-

Г.И. Алексеев

ки танкистов, суженные в талии короткие танкистские куртки.

Заглянув в люк танка с двумя перебитыми гусеницами, курсант Евгений Чечиллов с удивлением увидел рядом с убитым наповал танкистом еще работающую рацию...

Группа курсантов во главе с преподавателями инженерного дела И.Б. Кайтмазовым и Г.И. Алексеевым завершила уничтожение вражеской техники.

Закладывая взрывчатку под очередной танк, Иван Борисович Кайтмазов вдруг заколебался:

– Гавриил Иванович, а что если заставить фашиста поработать на нас?

По сравнению с другими 13 танками этот оказался наименее поврежденным огнем артиллеристов.

– Попробовать стоит, – согласился Алексеев.

Танк подремонтировали и перегнали на передний край обороны. Он превратился в неподвижную огневую точку. Позицию выбрал преподаватель артиллерии пехотного училища Павел Иосифович Мацкевич. На следующий день орудие танка открыло огонь по своим бывшим хозяевам.

Значительный урон противнику нанес огонь курсантов-снайперов в стыке 8-й и 5-й рот пехотного училища. Только за три дня курсант Александр Иванов из Чебоксар уничтожил 93 фашиста. Он умело намечал сектор обстрела, ориентиры, измерял до них расстояние, чтобы можно было быстро поставить нужный прицел. Успешно стрелял с упора, стоя, с колена. Одно из мест для «снайперской охоты» Александр оборудовал в ветвях свалившегося дерева, второе – в кустах. Иванов оказался и прекрасным наблюдателем, сообщавшим командованию сектора обо всем, что делалось на его участке вблизи передовой линии.

Между тем враг усилил натиск в районе Кудиново. На одном из самых трудных участков

Павел Машкевич

Владимир Загоскин

Г.Г. Черныш

комендант командного пункта подполковник В.М. Загоскин организовал оборону взвода курсантов, подвергшихся атаке танков и подразделения ав-

томатчиков. Мало тогда кто знал о том, что Владимир Михайлович был потомком одного из известнейших писателей 20–30-х годов XIX века, автора романа «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» – Михаила Николаевича Загоскина, о котором Виссарион Григорьевич Белинский писал, что этот роман он «перелистывал, как «Робинзон Крузо».

Взвод отразил две атаки. Гитлеровцы потеряли четыре танка и две автомашины с пехотой.

Не помогла фашистам и хитрость, когда, перерядившись в шинели, снятые с убитых курсантов, они попытались захватить командный пункт. Благодаря находчивости и наблюдательности курсантов 1-го батальона Аркадия Никитина и Ильи Корневского удалось вовремя раскрыть ухищрения гитлеровцев.

Стойкость, выдержку проявил взвод лейтенанта М.Л. Симкина. Находясь в боевом охранении, он трое суток сдерживал врага, отбив за это время шесть атак.

Курсант 12-й роты Яков Зверев, получив ранение, не покинул строя. Не вышел из боя раненый командир взвода 3-го батальона Василий Юдин.

В составе боевой заставы били врага прибывшие в ППУ из Саранска выпускники Мордовского государственного педагогического института Евгений Разумов, Василий Самаркин, Евгений Фролов, Петр Лоушкин, Алексей Котлов. Ежедневно застава уничтожала гитлеровцев, просачивающихся в тыл основных сил, оборонявших Ильинское. Застава сумела задержать вражеского летчика. Он выбросился с парашютом из сбитого зенитчиками истребителя. Курсанты Е. Разумов, В. Самаркин, Е. Фролов, П. Лоушкин, А. Котлов своевременно сообщили командованию Ильинского сектора о подходе на правом фланге крупных сил противника.

Восемнадцатилетний курсант 10-й роты пехотного училища Чатиб Чундышко, увидев проникших в тыл вражеских солдат (их оказалось не менее взвода), первым открыл огонь. Часть гитлеровцев была уничтожена, другая – пленена.

Командир батареи А.М. Солодухин больше находился на огневых позициях с курсантами, чем на своем командном пункте. В критические минуты он не только командовал расчетами, но и вместе с ними тянул сорокапятки на запасные позиции, наводил орудия, подносил снаряды. Солодухин был смертельно ранен. Курсанты вынесли его на опушку леса и в шинели уложили под деревом. На короткое время он открыл глаза и, увидев, что курсанты оставались около него, с последними силами произнес:

– Ребята, всем к орудиям...

В течение долгих часов держали круговую оборону курсанты-артиллеристы лейтенанта Деремьяна. Несмотря на превосходство сил, враг не смог овладеть дотом.

В трудную минуту на помощь одному из гарнизонов дота пришел орудийный расчет 222-го зенитного артполка. Несколькими снарядами он уничтожил вражескую пушку. Она готовилась открыть огонь прямой наводкой по доту курсантов.

«Слушай, товарищ, слушай, сын Родины, слушай, боец, – писала газета Западного фронта «Красноармейская правда». – Днем и ночью скрежещут гусеницы танков, не смолкает гул взрывов, гудят самолеты. Днем и ночью идет великая битва, в которой свирепый враг все поставил на карту. Дело идет о жизни и смерти. Но великий народ не может умереть, а чтобы жить, надо преградить путь врагу, надо победить...».

15 октября бои на участке 3-го батальона стали еще более ожесточенными, он понес значительные потери. От 500 человек, насчитывавшихся к началу первой схватки в Ильинском секторе, осталось 180. Над ними нависла угроза окружения.

Посоветовавшись с начальником штаба майором А.С. Курасовым, генерал Смирнов выслал Бабакову свой резерв – две роты 1-го батальона под командованием капитана Г.Г. Черныша и старшего политрука Д.А. Курочкина. Курсанты ворвались в ряды противника, штыками, гранатами, прикладами уничтожили 150 гитлеровцев. Отбив пять дотов первой линии, они отразили семь новых фашистских атак, всякий раз доходивших до рукопашной.

Капитан Г.Г. Черныш и старший политрук Д.А. Курочкин погибли. Накануне Дмитрий Алексеевич беседовал с курсантами о воинской чести, воинском даровании, подчеркивая огромное значение для воина воли и знаний. Старший политрук умел подойти к курсантам. Часто разговор с одним превращался в хороший урок для других. «Видал я, как ты ведешь себя в бою, – говорил он как-то Николаю Борщеву. – Молодец! Только хотелось бы, чтобы ты при своей храбрости усвоил маленькую истину. Прямо под пулеметные очереди лезть незачем. Используй перерыв в огне. Не все же время пулеметчика противника бить из пулемета, надо и ленту сменить. И другое. Если бьют два пулемета, лови ослабление огня. Усилил фашист огонь – камнем на землю, откатывайся на несколько шагов в сторону, уходи от прицельного огня...».

Позднее Борщев много раз вспоминал этот совет.

У Большой Шубинки отличились курсанты Николай Шогин, уроженец села Ходары Шумерлинского района Чувашии, Александр Толмачев, Владимир Назаров, Николай Гуляев.

Сильные бои шли и в центре Ильинского сектора.

В течение пяти часов курсанты Борис Тимошенко и Иван Шатырко отбивали натиск фашис-

А.С. Курасов

Аркадий Никитин

Д.А. Курочкин

тов огнем из своего дота. Бориса тяжело ранило. Спустя годы он вспоминал: «Очнулся я от боли. Кто-то тащил меня на себе. Сразу с затылка и не

Б.В. Тимошенко

признал. Потом смотрю – Иван. Начал просить, чтобы оставил, а он и слушать не хотел. Так и принес в тыл».

Это было второе ранение Бориса. Накануне он вернулся в роту, заявив командиру И.Д. Яровому:

– Я не могу думать о своих ранах, когда в бою гибнут мои товарищи!

Оказав помощь Тимошенко, Шатырко вернулся в дот. Кожух «максима» был пробит в четырех местах. Он залепил отверстия мякишем хлеба, залил кожух водой и отбил атаку подошедшего на 10–15 метров врага.

Несколько раз гитлеровцы откатывались от позиции Шатырко. Иван был ранен. Вышел из

строю пулемет, а впереди снова замаячили серозеленые фигуры фашистов. Шатырко с трудом дошел по траншее до соседнего дота. Здесь он увидел убитого пулеметчика и курсанта, пытавшегося исправить пулемет. Устранив вместе с ним перекос ленты, Иван открыл огонь.

В этот день авиация противника совершила 14 налетов, в каждом из которых участвовало от 27 до 30 самолетов. Утром следующего дня гитлеровцы вновь подвергли сильному обстрелу дот Шатырко. Ночью в дот проник сержант М.Д. Никонов.

Рядом гитлеровцы подавили сопротивление нашего дота.

«Во время боя к нам в окоп приполз курсант. Весь в крови, без шинели, – рассказывает бакинec, бывший курсант ПАУ В.С. Шапков. – Теряя сознание, он еле слышно произнес: «Из дота я... Орудие разбито. Патроны, гранаты кончились. Там – никого...». Алексей Бараночкиков, Виктор Баскаков взяли ручной пулемет и поползли к доту. За ними – Иван Корольков, Василий Смирнов. Завязалась бой. Фашистов выбили, и курсанты снова закрепились в доте».

Случалось, дот переходил из рук в руки по нескольку раз. В один из таких часов боя смелости проявил курсант-артиллерист Василий Блященко. Захватив дот, гитлеровцы установили в нем крупнокалиберный пулемет. Последовал приказ: обезвредить врага. Василий Блященко пополз к доту, из которого бил пулемет. И вот перед ним – амбразу

Дот И. Шатырко

ра. Переведя дыхание, Василий бросил связку гранат в огнедышащую прорезь. Пулемет противника был подавлен.

Гитлеровцы неоднократно атаковали дот, из которого вел огонь пулеметчик Александр Малахов, но все безуспешно. Тогда они подтянули орудие. Снаряд разорвался в амбразуре дота.

Проживающий ныне в городе Чехове один из участников этого боя Н.В. Щенников рассказывает: «Из 13 человек нас осталось только пятеро: Вячеслав Усан, Яков Дворкин, Борис Введенский, Юрий Александров и я. Положение наше было тяжелое. После того как погиб Александр Малахов, фашисты осмелели и лезли к доту не переставая. Выручали гранаты. Одна за другой они летели в скопления врага...».

Три дня сражались в полуокружении курсанты-пулеметчики Орлюк, Дементенко, сержант Коротченко. На помощь им командир 5-й роты И.В. Шкурдин послал курсантов Дебулата, Кравца во главе со старшиной П.И. Сидоренко. Соблюдая скрытность движения, они поспешили к товарищам. Вслушавшись в звуки боя, Сидоренко заметил, что огонь со стороны курсантов Коротченко слабеет, а через некоторое время стрельба совсем прекратилась.

«Неужели не успели? – подумал он. – Осталось то каких-нибудь двести метров!».

Обнаружив выдвижение группы Сидоренко, гитлеровцы усилили огонь, но курсанты рывком преодолели смертельно опасное расстояние, отделявшее их от пулеметного гнезда. Их помощь подоспела вовремя: пулеметчики, получив тяжелые ранения, уже не могли вести огонь. Вставив новую ленту, Сидоренко в упор расстреливал гитлеровцев.

И многим курсантам в том бою товарищеская помощь спасла жизнь. Курсант А.И. Есаян совершил подвиг: под огнем врага вынес с поля боя раненого командира взвода лейтенанта Н.И. Бербенева.

Курсант Яков Бедягин, несмотря на то, что гитлеровцы обошли его с флангов, продолжал вести огонь из пулемета, уничтожив 17 солдат и офицеров.

Нелегкое положение сложилось у орудийного дота батальонного комиссара С.Н. Андропова, восточнее моста через реку Выпрейку. Пользуясь складками местности, группа гитлеровцев незамеченной подобралась к амбразуре. Три гранаты громыхнули о щит курсантской пушки и повредили ее противооткатный механизм. Казалось, судьба гарнизона решена, но курсанты заняли круговую оборону и продержались, пока не подошел взвод лейтенанта И.М. Исакова.

Хладнокровие, выдержку проявил оружейный мастер артучилища старшина сверхсрочной службы Д.И. Евстратов, устранявший в боевой обста-

Н.В. Шенников

новке, под градом пуль и осколков повреждения в оружии.

Метрах в ста от шоссе, ближе всех к врагу, стоял дот лейтенанта И.У. Бычкова. Он был замаскирован под стог сена. Неподалеку находился старый парк. Накануне ночью курсанты слышали оттуда железный язг и гул моторов. С утра в парке накапливалась для атаки пехота. Из дота то и дело раздавались пулеметные очереди, мешая фашистам концентрироваться. Через некоторое время по долговременной огневой точке курсантов пристрелялась противотанковая пушка. Попавший в амбразуру снаряд разбил пулемет, ранил Шерстюка, Николаенко и самого Бычкова. Раненые курсанты оказали друг другу медицинскую помощь и еще часа два держали оборону, уничтожив за это время 70 гитлеровцев.

2-й дивизион артучилища занимал доты по реке Выпрейке и удерживал позицию до тех пор, пока они не были полностью разрушены.

Смело вел себя Геннадий Позняк. Это был один из самых молодых курсантов, выпускников артиллерийской школы. Еще до выхода на фронт он отличался в стрельбе по движущимся макетам танков. Однажды Позняк пятью выстрелами поразил пять макетов, но, докладывая командиру результаты стрельбы, назвал лишь три попадания. Его спросили: «Почему вы уменьшили число своих попаданий?». Ответил: «Два макета были поражены в самой верхней части, а, как известно, там броня имеет наклон и вызывает рикошет снарядов. В бою эти танки могли бы сохранить жизнеспособность...».

Впоследствии командование ПАУ усложнило оценку результатов стрельб по движущимся макетам.

Рядом с Геннадием отличился курсант ППУ Виктор Лагутин. Двадцатилетний комсомолец точным огнем пулемета продолжительное время не да-

вал пехоте противника переправиться через реку Лужу, огибавшую Ильинский рубеж обороны.

Эту же задачу решал расчет пулеметного дота Александра Оношко. Не добившись успеха днем, гитлеровцы попытались преодолеть реку поздним вечером, надеясь застать курсантов врасплох. Эта попытка дорого им обошлась. Три «максима» в упор открыли огонь по врагу. В качестве трофеев расчет Оношко взял полтора десятка автоматов и много патронов.

Вернувшись в свою траншею, курсанты ПАУ Александр Оношко и второй номер Анатолий Кузнецов, тяжело дыша, прислонились к стенке траншеи. Оба расстегнули шинели и воротники гимнастерок.

– Поесть найдется? – обратился Александр к Анатолию.

– Хлеб.

– Давай хлеб.

Четверть буханки разломил пополам. Ели молча. Закончив скромную трапезу, Оношко вдруг снова вернулся к разговору с Кузнецовым, начатому днем:

– Вот ты, Толя, учился в студии Большого театра. Только не сердись, какой прок от классики сегодня?

– Опять за свое! – вспыхнул Анатолий. – Я тебе не раз говорил и еще повторю: не отделяй искусство от жизни, они не могут существовать отдельно одно от другого. Бетховен современен. Знаешь ли ты, что даже ритм первой части его 9-й симфонии – это призыв к нашей сегодняшней борьбе? А финал? Это вера в победу, в торжество справедливости!..

– Значит, с твоим Бетховеном можно идти в бой, как с винтовкой?

Кузнецов непонятно посмотрел на Оношко:

– Он не мой. Он для всех, кто верит в добро. А фашизм – величайшее зло!

К ночи противник термитными снарядами зажег окраину села Ильинского, хорошо осветив район, занятый курсантами, и пошел в атаку. Ему удалось вклиниться в передний край обороны училищ.

Ночью в распоряжение командующего Ильинским сектором Малоярославецкого боевого участка генерала В.А. Смирнова прибыло подкрепление – 303-й пулеметный батальон, имевший на вооружении пулеметы системы «гочкис».

Смирнов решил усилить 2-й и 3-й батальоны училища подразделениями прибывшего пулеметного батальона. Он сделал привычные распоряжения и уже было занялся другим, как в блиндаж спустился командир 2-го батальона майор С.А. Романов:

– Есть затруднения с выполнением приказа, товарищ генерал!

– Что такое?

– Стрелки пульта почти не умеют обращаться с «гочкисами», а процентов пятьдесят не имеют винтовок.

Осень 1941 года приучила Смирнова ничему не удивляться и не ждать манны с небес. Поэтому без всякого возмущения генерал ответил Романову:

– Надо учить. Ночь впереди – время есть. Винтовками обеспечьте нашими!..

Под утро к коменданту командного пункта Владимиру Михайловичу Загоскину была доставлена женщина.

Трехамбразурный дот на Ильинском рубеже

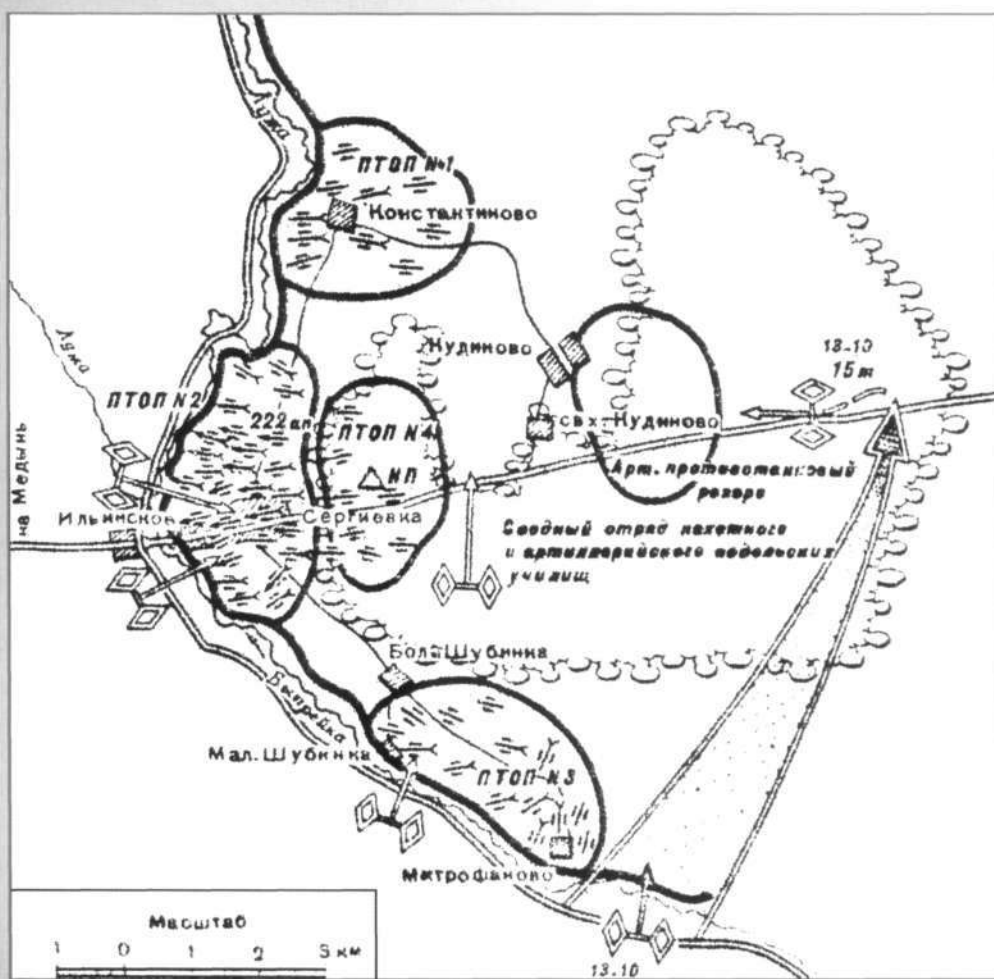

Схема противотанковой обороны Ильинского боевого участка

– Товарищ майор, задержана на позиции второго батальона, – сказал курсант, приставив к ногам винтовку.

При виде женщины Загоскин по привычке привстал, но, спохватившись, снова опустился, машинально поглаживая виски:

– Документы.

Женщина развязала платок, достала справку, заверенную сельсоветской печатью.

– Как оказались в районе батальона?

– Да не знала я ни о каком батальоне, – запричитала задержанная. – Корова моя отбилась. С вечера нишу.

Загоскин, прикинув расстояние от названной женщиной Башкировка до последнего дота 8-й роты, сказал:

– Далековато гуляет ваша корова. Выйди она к Шубинке, еще можно бы поверить... Отведи ее к особистам, пусть поинтересуются странными прогулками коровы в районе боевых действий, да еще в октябре!..

Враг любым способом стремился получить сведения об обороне Ильинского рубежа. Только вчера

курсант 11-й роты Виктор Осипов доставил к командиру роты Д.И. Назаренко задержанного мужчину.

– Ошибка, товарищ командир, – твердил неизвестный. – Свой я!

– Разберемся. Оружие есть?

– Да какое у меня оружие, инвалид я, белобилетник!

– Обискать!

Пистолет нашли за голенищем сапога.

Однажды гитлеровские диверсанты, переодетые в форму советских танкистов, обстреляли полторку военинженера С.Д. Демидова и походную кухню, двигавшиеся по дороге.

Незадолго до того были обнаружены спрятанные в кустарнике трупы пропавших посыльных курсантов.

Воентехник Иван Назарович Раракин наблюдал действия одной из таких вражеских групп:

«На трех автомашинах я должен был доставить боеприпасы и часть стрелкового оружия на левый фланг Ильинского сектора. Съехав с шоссе на проселочную дорогу, километра через два за кустарником заметили группу людей в комбинезонах, по ви-

ду танкистов. Увидев нашу колонну, они спрятались за кусты. Шофер притормозил и обратился ко мне: «Что это они залегли?». В голове молнией мысль: «Враг!». Успел сказать шоферу: «Назад!». Он резко повернул влево по кустарнику на разворот (до гитлеровцев оставалось метров сто). На третьей машине был убит шофер. В 17 часов на командный пункт прибыл воентехник 2-го ранга Москаленко со склада боеприпасов и подтвердил, что противником высажен десант...».

Над селом Ильинским появился одиночный самолет. Сделав круг, а затем снизившись, он выпал на головы курсантов листовки.

– Благодаря за встречу, – сказал комиссар 2-го батальона пехотного училища Петр Дмитриевич. – Упращивают, чтоб не задерживали, спешат к Москве.

Одна из листовок упала недалеко от него.

«Доблестные красные юнкера! – говорилось в ней. – Вы мужественно сражались, но теперь ваше сопротивление потеряло смысл. Варшавское шоссе наше почти до самой Москвы. Через день-два мы войдем в нее. Вы настоящие солдаты. Мы уважаем ваш героизм. Переходите на нашу сторону. У нас вы получите дружеский прием, вкусную еду и теплую одежду, листовка будет служить вам пропуском».

Разбрасывая листовки, гитлеровцы рассчитывали на политически отсталых людей. Привлечь хотя бы кого-нибудь из курсантов им, конечно, не удалось, и провокационная попытка полностью провалилась. Характерно, что в фашистской инструкции войскам «Знаете ли вы врага?» немецкое командование давало иные указания: «Не доверять раненому русскому. Будьте тверды и безжалостны!». Эта инструкция была найдена среди трофейных документов штаба 151-го тяжелого артиллерийского дивизиона, захваченных 4-м батальоном ППУ в деревне Устье.

Курсант Константин Устюжанин сжал до победения пальцев кулаки:

Вадим Соколов

– Нет, товарищ комиссар, мы ответим им...

На предложение врага прекратить сопротивление курсанты ответили яростной контратакой. Противник, по-видимому, со своей меркой подходил к объяснению истоков стойкости и мужества защитников Москвы: долг перед Родиной в его глазах уравновешивался «вкусной едой и теплой одеждой».

На борьбу с ненавистным врагом звали курсантов другие листовки – листовки Главного политического управления Красной Армии:

«У тебя – винтовка. У тебя – гранаты. Отплати! Надя Столярова решала задачи. У нее была русая косичка, а на пальцах пятна чернил. Она была смешной доброй девочкой. Ее убили... Когда убивают детей у горлицы, даже птица становится лютой. Даже олень защищает своих детей. Боец, простишь ли ты врагу кровь ученицы первого класса Нади Столяровой? Гитлеровцы пошли на нас. Не на армию – на народ. На деревни. На женщин, на старух, на грудных детей... Не дрогнула Россия... Она ждет суда. Ждут суда и фашистские преступники...».

Озлобленный бесплодностью своих немалых потерь противник вновь готовился к атаке. Подтянув зенитные орудия, гитлеровцы начали расстреливать доты прямой наводкой.

Курсант 6-й роты Иван Макуха будет вспоминать об этих часах в селе Ильинском: «От прямого попадания снарядов в доты нас сбивало с ног взрывной волной, осыпало бетонными осколками, из глаз и ушей выступала кровь. Я получил тяжелую контузию, ранение в лоб, затылок, семь осколков гранаты...».

Помощник командующего Ильинским сектором по артиллерии полковник И.С. Стрельбицкий приказал выкатывать орудия из дотов на открытые позиции. В сложной боевой обстановке проявили себя курсанты: Алексей Головкин, Василий Сереженко, Михаил Клишкин, Вадим Соколов, Алексей Хозяинов, Василий Торбиевский, Дмитрий Бысько, Сергей Забаркин, Евгений Никольский, Дмитрий Иванов, Лев Новиков, Евгений Денисов, Алексей Немешаев, Николай Цветков, Павел Аксенов, Владимир Батурлов; преподаватели топографии: В.Г. Таранов, Г.И. Персиянцев; старшие лейтенанты: И.И. Мусеридзе, Г.И. Алексеев, Д.Т. Разин, И.М. Тимофеев, Ф.Г. Мокрищев, погибший в доте от прямого попадания бомбы...

Все они и все те, кто остался лишь в памяти товарищей, были тверды духом, сильны характером.

У окруженного со всех сторон курсанта Виктора Бессонова кончились патроны.

– Иван, сдавайсь! – кричали ему гитлеровцы.

Виктор молчал. Осмелев, вражеские солдаты все ближе и ближе подходили к Бессонову. Он забросал гитлеровцев гранатами.

Хладнокровно действовал в бою майор П.С. Тимофеев, преподаватель инженерного дела в пехотном училище. Когда была разбита панорама одного из орудий, он все-таки продолжал стрелять, наводя пушку через центр ствола.

Личную благодарность от командующего сектором получил умело воевавший командир 8-й роты, выпускник курсов «Выстрел» старший лейтенант И.Д. Яровой.

В отражении противника принимал участие музыкантский взвод под командованием капельмейстера капитана К.С. Бахмутова. Ядром взвода стали красноармейцы-сверхсрочники И.Н. Илюнин, А.Г. Голубев, И.Ф. Усачев, Н.В. Никольский.

Видя, что участок 8-й роты, занимавший доты вдоль Варшавского шоссе, не преодолеть, враг решил обойти роту с фланга. Вот здесь-то и ждали его воины-музыканты. Неожиданным огнем из леса они уничтожили гитлеровцев. В бою не хуже своих старших товарищей били гитлеровцев юные воспитанники взвода Иван Черный, Николай Жуков, Иван Медяников, Михаил Титов.

Свидетелем участия в бою капитана Бахмутова стал санитар Степан Иванович Рудой. Он находился в это время на командном пункте.

Группа курсантов взвода связи во главе с подполковником И.В. Солярским в труднейшей боевой обстановке обеспечивала командный пункт генерала Смирнова надежной связью.

Связной М.Ф. Жданов шесть раз под огнем врага доставлял приказы и распоряжения, выносил раненых.

Во время непрерывного боя оказывали первую, самую нужную помощь раненым, организовывали их эвакуацию в тыл начальник санитарной службы А.С. Панасюк, военфельдшеры Ф.Ф. Пантеев, Н.И. Савина, младший военврач Н.А. Протопопова, медсестра А.И. Чугрова.

Не робкого десятка оказались медицинские сестры санитарного взвода артиллерийского училища, сформированного незадолго до выхода на фронт, Е.А. Самычина, Е.В. Жарова, В.А. Беляева, девушки-добровольцы: Анна Корчагина, Надежда Бабенко, Анна Лякишева, Татьяна Саханова, Анна Шваюкова.

Атаку 19 курсантов-артиллеристов возглавлял политрук Н.Ф. Щурин. Фашист, затаившись на дереве, ранил его. На помощь пришел курсант Сергей Забаркин. Сам он вспоминал: «Пуля пробила Щурину голосовые связки. Я разорвал рубаху, обмотал горло. И тут буквально в полутора шагах взметнулись фонтанчики автоматной очереди. Нас заметил диверсант. Прижав политрука к шершавому холодному стволу, я ждал, когда у фашиста кончится

Алексей Хозяинов

В.Г. Таранов

Н.А. Протопопова

обойма. Но неожиданно раздался выстрел, от которого фашист свалился на землю. Помог Иван Аристов. К нам подошел начальник политотдела.

Г.М. Суходолов

А.И. Алешкин

С.Ф. Жарков

– Доставьте политрука в санчасть, – сказал он. –
Только на шоссе не выходите...
Забаркин выполнил приказ.

Снова отличился старшина Петр Сидоренко.

После гибели гарнизона одного из дотов 2-го батальона в доте осталась сумка связного. Нельзя было допустить, чтобы она попала в руки врага. Но как ее забрать? Возле самой амбразуры того дота чернел тяжелый фашистский танк, еще пять стояли неподалеку. Три курсанта, высланные ранее, возвратились ни с чем: помешал огонь автоматчиков.

– Товарищ майор, – обратился к комбату Романову Петр Сидоренко. – Разрешите, я попробую...

Он заранее наметил себе путь: лощина реки, противотанковый ров, подъем к цели. Главное – осторожность и смелость.

Не прошло и часа, как Сидоренко принес сумку в батальон.

– Так никто и не заметил вас? – спросил комбат.

– Никто. Только на обратном пути шестерых гадов гранатой уложил...

На самых ответственных участках курсанты видели начальника политотдела артучилища Г.М. Суходолова, секретаря парткомиссии пехотного училища Е.Е. Варламова.

Оправдал доверие товарищей быть комсомольским вожаком младший политрук, ответственный секретарь комсомольского бюро дивизиона ПАУ В.П. Ходнев. Награжденный за бои на Халхин-Голе медалью «За отвагу», он личным примером утверждал смелость и бесстрашие. Товарищам Владимир часто рассказывал о мужестве советских воинов в боях на горах Банн, Цаган. Считавшие себя ранее непобедимыми, после Банн-Цагана японские солдаты вынуждены были внести в свой лексикон такие слова, как «страшно», «упали духом», «стало жутко». «Я уверен, – говорил Ходнев, – словарь гитлеровцев после боев под Москвой станет еще «богаче». Без слов «разгром», «поражение» им не обойтись!».

При выполнении задания командования проявил решительность курсант Степан Жарков. Получив приказ доставить пакет с разведывательными данными, Жарков отправился в путь.

Когда он вышел из леса, то недалеко заметил обгоревший танк. Чуть подальше стояла готовая к бою 45-миллиметровая пушка. Возле нее – тела двух убитых артиллеристов. В разбитом ящике остались три снаряда. Вдруг Степан уловил шум танкового мотора. Немецкий Т-1У. Укрыться? Переждать? Не утерпел... Подошел к орудью, зарядил его и стал ждать, когда танк выйдет на пригорок.

Для вражеских танкистов выстрел с опушки леса оказался полной неожиданностью. Они, однако, сразу поняли, что по броне ударил осколочный снаряд. Танк увеличил скорость и открыл огонь.

Два последующих выстрела Степана Жаркова также не причинили Т-1У вреда. И тогда, часто припадая к земле, курсант побежал к танку со связкой гранат. От взрыва машина остановилась. Гитлеровский танкист осторожно приоткрыл люк, потом осмелел, высунулся по поясу – и рухнул, срженный выстрелом из винтовки...

Вечером со стороны Малоярославца послышалось движение по шоссе. Все отчетливее становился шум танковых двигателей. Радостно забились сердца, когда на головном танке наблюдатели увидели красный флаг.

– Наши!

Курсанты начали выбираться из траншей навстречу колонне. Наконец-то подкрепление... Вдруг раздался голос:

– Ребята, назад, немцы!

Тогда еще никто не знал, что танки противника обошли оборону курсантов южнее, выйдя к селу Шумятино, а отсюда под красным флагом – на Варшавское шоссе.

Танки все более углублялись в оборону училищ. Раздался первый выстрел пушки лейтенанта А.Г. Шаповалова. Задымился головной танк.

Без промаха били врага курсанты подразделения лейтенанта А.И. Алешкина. Они находились в деревне Сергеевке в артиллерийском полукaponире, замаскированном под обычный крестьянский дом. Гарнизон полукaponира считался одним из самых результативных. Его силами было уничтожено несколько танков и не меньше сотни фашистов.

Помощник командующего Ильинским сектором по артиллерии И.С. Стрельбицкий вспоминал: «Гитлеровцы никак не могли обнаружить этот полукaponир, и потому случалось, алешкинцы расстреливали врага даже в спину. И вот теперь мы узнаем... Весь гарнизон, за исключением Дорожкина, погиб».

Уже после войны стало известно, что ночью к месту боя пробрался командир взвода А.Г. Шаповалов. Тела лейтенанта Алешкина и погибших курсантов удалось извлечь из полукaponира и захоронить в воронке от снаряда.

Немалый урон гитлеровцам нанесла батарея Ф.Г. Горячих. «Танки зашли к нам с тыла, – рассказывает курсант батареи Н.И. Захаров. – Бой завязался на позиции лейтенанта П.А. Храпова. Он был отрезан. Тогда Федор Горячих приказал пробиться к нему. Мы развернули орудие и повели огонь. Совместными усилиями подбили два танка...».

Пройдет немного времени, и о курсантах-артиллеристах будет сложена песня «Эй, пауцы, бодро шагайте! Героям любовь и почет».

Значительные потери враг понес от орудий лейтенанта И.И. Мусеридзе. Наводчик Александр Ре-

Е.Е. Варламов

мезов с первого выстрела поразил танк. От выстрелов орудия Юрия Добрынина загорелась автомашина с боеприпасами и рядом – танк.

Автоматчики противника рассыпались по лесу, подбираясь к траншеям курсантов.

На связного Александра Рычкова набросились три гитлеровца. Александр вступил в неравную схватку. Одного он застрелил в упор, второго заколол штыком. Третий же спрятался в воронке и дал по Рычкову очередь. Одна из пуль задела курсанта. Собрал остатки сил, он достал вражеского автоматчика гранатой.

У сержанта М.Д. Никонова осколком повредило пулемет. Он имел возможность отойти с занятого участка, но не сделал этого. Собрал группу курсантов, Михаил добыл в бою трофейный пулемет и стрелял из него.

В отражении противника отлично проявили себя Валентин Баранов, Василий Колесник, Михаил Зайцев, Антон Рубан, Игорь Горячев, Семен Гурвич, Виктор Венгерский, Николай Маликов, Николай Юдов.

Неоднократно выручала в этот день курсантов находчивость.

Фланговый огонь врага отрезал Семена Печайкина и Николая Дмитриева от основных сил роты. Всего пятнадцать метров отделяли их от товарищей. Для того чтобы соединиться с ними, им предстояло пересечь площадку, простреливаемую вражеским пулеметом. Лежа в воронке, оба усиленно думали, как выйти из положения. Неожиданно для пулеметчика курсанты сделали рывок, перебегая опасную площадку под углом друг к другу. Создавалось впечатление, что они бежали в разных направлениях. Фашист растерялся. По кому стрелять? Пока он бил по Семену, несколько шагов успевал пробежать Николай. Пулеметчик бил по Николаю – уходил Се-

Дмитрий Разин (крайний слева) с боевыми друзьями

мен. Оба курсанта благополучно присоединились к своей роте.

Танковая атака с тыла успеха гитлеровцам не принесла. Для того чтобы противник не смог отремонтировать подбитую технику, генерал В.А. Смирнов приказал преподавателям топографии Г.И. Персиянцеву, В.Г. Таранову, воентехнику И.Н. Ракину все сжечь. С помощью гранат и горючего, оставшегося в баках танков, они выполнили приказ. До полуночи на Варшавском шоссе взрывались в танках снаряды и патроны.

Глядя в отдалении на этот «фейерверк», Георгий Иванович Персиянцев удовлетворенно произнес:

– Теперь пускай попробуют починить!..

А рядом кто-то ругал курсанта Бектая Сейтмуратова, наводчика 82-миллиметрового миномета, до сих пор отлично действовавшего в боях:

– Замолчать в нужную минуту... Не узнаю тебя!

– Осталось всего шесть мин, да и те без взрывателей!..

На левом фланге Ильинского сектора неоценимую помощь оказал дивизион реактивных минометов.

При подготовке одной из атак гитлеровцы сосредоточили здесь танки, бронетранспортеры, пехоту. Атака не состоялась: залп реактивных установок уничтожил врага.

Командир 1-го артиллерийского дивизиона 31-го запасного артиллерийского полка И.Г. Прокопов, сражавшийся с курсантами на Ильинском рубеже, рассказывал: «Я обернулся и увидел движение необыкновенных машин, напоминавших саперные понтонные мосты. Они двигались

на предельной скорости... Боевые машины быстро развернулись... С ревом сверкнули раскаленные хвосты, подобно молнии... Залп «катюш» застал фашистов врасплох. Они не успели укрыться и понесли большие потери в людях и технике. Вслед за залпом гвардейских минометов в воздухе появилась вражеская авиация и, пикируя, начала бомбить район огневой позиции «катюш» где еще висели дым и пыль, поднятая залпом. К этому времени гвардейцы уже снялись и скрылись в лесу...».

– Нам все время говорили об отсутствии сил у русских, – жаловался захваченный курсантам пленный. – Но после этого оружия невольно думаешь: тогда откуда оно?

Девять курсантов-артиллеристов получили приказ разведать расположение врага у деревни Дукино. Ночью, обойдя ее с севера, они обнаружили сосредоточение до двух батальонов фашистов. Все бы шло хорошо, да только в темноте кто-то заметил, как задел ногой брошенный котелок, и начал шуметь. В лицо курсантам немедленно ударил свет включенных фар бронетранспортера. Отступать было некуда. За спиной на сотни метров ровная местность без единого кустика. Выручила находчивость курсантов Куршина и Кретова. Моментами оценив обстановку, они бросили в бронетранспортер гранаты, и свет погас. В темноте разведчикам удалось скрыться.

Примером храбрости для товарищей стал Николай Молокоедов. Он пришел в ПАУ из Московского государственного университета имени М.В. Л

моносова. Курсант неоднократно проникал в расположение противника, возвращаясь с трофеями и необходимыми для командования училищ документами.

Геройски вели себя танкисты отдельной танковой роты 17-й танковой бригады, поддерживавшей курсантов.

Одному из экипажей генерал В.А. Смирнов приказал выяснить наличие огневых средств противника. По курсу машины механик-водитель П.П. Алексеев заметил два фашистских танка, с ними завязался бой. Танки врага были уничтожены. Характерен и другой случай. Старший лейтенант Е.А. Городецкий, организуя буксировку подбитого танка, отбил атаку до взвода фашистов.

Помощник командира роты коммунист П.М. Уманец под огнем врага сумел организовать спасение пяти танков, застрявших в трясине болота, а когда во время переправы затонул танк Т-34, сержант И.А. Анисимов нырнул на глубину двух с половиной метров, подцепил трос, и боевую машину извлекли из воды.

Большую твердость духа проявили красноармейцы команд обслуживания. «Немецкая авиация бомбила каждую машину, – вспоминает курсант А.Г. Головкин. – Сначала снаряды и патроны подвозились в темноте, но потребность в них была так велика, что пришлось подвозить их и днем. Боеприпасы доставлялись непосредственно в боевые порядки. Когда позволяла обстановка, машины оставляли в укрытии, а снаряды и патроны подносили к дотам и окопам на руках. Часто, доставив боеприпасы, вместе с гарнизонами дотов вели бой. Делалось невозможное...».

Невозможное делал шофер артучилища Д.И. Струков. Его ЗИС-5 подвергся нападению самолета. Струков чудом успел объехать вдруг образовавшуюся воронку. Осколки иссекли кабину, радиатор. Не теряя самообладания, он привел израненную машину в Ильинское. Подбежавшие курсанты немало удивились, увидев невредимого шофера.

– Повезло! – только и мог сказать курсант Пинкас Райский.

– Повезет, – потирая ушибленную голову, произнес Дмитрий, – значит, сто лет проживу. Вы, ребята, разгрузите меня. Я тут кое-что подлатаю, да мне обратно приказано...

Рейс за рейсом совершали водители 33-й стрелковой бригады; не раз они вступали в бой с группами диверсантов. Начальник колонны старший лейтенант Смирнов однажды принял огонь диверсантов на себя, дав другим машинам выйти из опасной зоны.

Память о своих боевых делах на Малоярославецком боевом участке оставили 64-й гаубичный, 395-й противотанковый полки, 35, 36, 39, 49, 46-я огнеметные роты, артиллеристы 517-го гаубичного артполка. В его составе были выпускники 3-го Ленинградского артиллерийского училища.

Вражеские автоматчики несколько раз пытались прорваться к пушкам батареи Василия Ануфриева. Артиллеристы сражались, заняв круговую оборону. Перед последним боем в батарее осталось 15 человек.

В полдень над лесом появились восемнадцать «юнкерсов». Когда разгрузился последний самолет, стало непривычно тихо. Командир батареи Василий Иванович Ануфриев поднялся со дна полу-

Здание бывшей школы в Каменке Подольского района, где в октябре 1941 года размещался штаб 43-й армии

засыпанного окопа, и первое, что бросилось ему в глаза, – это искореженные орудия. В цветном тумане, метрах в трехстах от себя он увидел цепь гитлеровцев.

– Юнкере, сдавайся! – услышал он чужие голоса.

Именно эти лающие голоса вывели Ануфриева из оцепенения. Как и памятные слова: «Умрем на лафетах, но не пропустим врага».

– Ребята, за мной, – командовал Василий Иванович.

Жаль, что на оставшихся в живых была одна винтовка с пятью патронами и один револьвер.

Гитлеровцы опешили и не стреляли, а когда опомнились, артиллеристы заняли запасной рубеж.

Стойко сражалась 1-я батарея 71-го отдельного зенитного артдивизиона под командованием лейтенанта Т.С. Кузнецова. Два орудия батареи занимали оборону в пятидесяти метрах от Варшавского шоссе. Гитлеровцы направили против зенитчиков «юнкеры». Бомбы рвались рядом с зенитками. Вышли из строя кабельное хозяйство, дальномер, но и противник потерял четыре самолета.

Смелыми действиями отличался 859-й артполк.

1-й дивизион этого артполка поддерживал 1083-й стрелковый полк 312-й стрелковой дивизии. По приказу командования 1-я батарея установила свои орудия в километре к югу от деревни Тяпино, занятой противником. Между опушкой леса, где была замаскирована батарея, и деревней высился бугор. Он сослужил артиллеристам хорошую службу. Гитлеровцы не видели наших пушек, зато батарейцам хорошо была видна поднимавшаяся на бугор походная колонна.

Ее расстреливали прямой наводкой с расстояния в 200–300 метров. Из 30 танков 10 остались догорать на большаке.

Семнадцать курсантов 1-го батальона построились для получения боевой задачи. По данным командования, фашистские автоматчики на двух автофургонах следовали в тыл обороны училищ.

Курсанты залегли по обе стороны шоссе. У Большой Шубинки шел бой, а здесь – ни одного выстрела. «Не ложные ли сведения? – все больше сомневался начальник штаба батальона старший лейтенант Курдюмов. – Мало ли что?».

Шоссе оставалось пустынным. Кое-кто из курсантов успел выкопать себе окопчик, вздремнуть.

– Этак они до скончания века не явятся, – произнес Илья Кореневский.

И вдруг, словно в благодарность за томительное ожидание, из-за поворота показались два автофургона.

– Пожаловали! – обрадовался Аркадий Никитин, прилаживая поудобнее пулемет Дегтярева между основаниями двух сросшихся берез.

– Огоп! – последовала команда.

Аркадий прошел очередью первую машину. Она встала и вспыхнула. Из второй посыпались солдаты. «Схитрили, первую пустой погнали...». Молодецкий офицер, подгоняя солдат, кричал: «Шнель, шнель!».

Автоматчики, стреляя на ходу, понялись к кювету.

– Вот и все. Пять минут! – Никитин снял последний диск.

С рукой на перевязи подошел Курдюмов:

Разбитая техника врага

– Тебе, Аркаша, в училище и зачетной стрельбы сдавать не надо. Вон сколько накрошил...

Командир 19-й немецкой танковой дивизии, входившей в состав 57-го моторизованного корпуса, генерал-лейтенант фон Кнобельсдорф выехал в штаб, заранее предвидя неприятный разговор. И не ошибся.

– Вы не использовали преимущества нашего прорыва через Юхнов, – сказал ему командир корпуса генерал Кунтцен. – Фельдмаршал фон Бок недоволен. Время идет, а мы топчемся перед какими-то офицерскими школами...

– Вы правы, господин генерал, – сказал Кнобельсдорф. – Силы противника незначительны. Но ему не откажешь в упорстве. Я сам стал свидетелем, когда русские с винтовками наперевес шли на наши танки.

Кунтцен оставался непреклонен:

– Тем более вы могли быть уже в Малоярославце. Насколько мне известно, танковая броня тверже человеческого тела и русского штыка...

В состав 19-й танковой дивизии входили хорошо оснащенные, полнокровные части под командованием опытных офицеров. Дивизия включала два мотострелковых полка, мотоциклетно-стрелковый батальон, разведывательный, саперный и полевой запасной батальоны, службы: санитарную, снабжения и порядка, артиллерийский полк, истребительно-противотанковый дивизион, танковый полк.

Артиллерийский полк имел два легких артиллерийских дивизиона по три батареи 105-миллиметровых гаубиц, тяжелый смешанный артиллерийский дивизион с двумя батареями 150-миллиметровых гаубиц, батарею 105-миллиметровых пушек.

Истребительно-противотанковый дивизион состоял из трех противотанковых рот (восемь 37-миллиметровых противотанковых орудий, три 50-миллиметровых орудия).

Танковый полк имел 42 танка Т-1У, 102 танка Т-III, 9 танков связи, 20 танков Т-II.

От обычной организации других танковых дивизий 19-я отличалась лишь тем, что не имела зенитной роты и понтонно-мостового парка.

Полученные из разных источников сведения говорили о том, что у защитников Ильинского рубежа плотность огня крайне мала: нужно было исключительное мужество, чтобы удержать оборону на участке Подсосино–Бутырки, где на километр приходилось 280 винтовок, 7 ручных и 4,5 станкового пулемета, 2,5 миномета, одно орудие полевой артиллерии.

На участке Юрьевское – Подсосино плотность огня на километр фронта была не выше 120 винтовок, 6 ручных и 4,5 станкового пулемета, 0,5 миномета, 3 полевых орудий.

Что же касается участка Песочная – Устье, то здесь имелось 60 винтовок, 1 ручной и 0,8 станкового пулемета, 0,4 миномета, 0,5 полевого орудия на километр.

Таким образом, корпус, в который входила 19-я танковая дивизия Кнобельсдорфа, имел полное превосходство над русскими, оборонявшими Малоярославецкий боевой участок. Несмотря на это, корпус нес большие потери...

Пройдет время, и маршал артиллерии К.П. Казаков уточнит потери 57-го моторизованного корпуса:

«Пехотинцы и артиллеристы, столкнувшись с частями 57-го моторизованного корпуса противника, уничтожили 5 тыс. вражеских солдат и офицеров и подбили 100 танков».

По возвращении в свою дивизию Кнобельсдорф отдал приказ о новых атаках на Ильинское. Однако, отдавая его, он вспомнил изречение графа Мольтке: «Неуверенность в приказе порождает неуверенность в исполнении...».

Впоследствии Кнобельсдорф, обладавший обширными военными знаниями и гибким умом, будет командовать 48-м танковым корпусом, действовавшим на реках Чир и Северный Донец. По оценке немецких генералов и, в частности, автора книги «Танковые сражения 1939–1945 гг.» Фридриха Меллентина, ему нельзя было отказать в глубоких знаниях и широком кругозоре. 6 сентября 1944 года Кнобельсдорфа назначили командующим 1-й армией, дислоцировавшейся в районе Меца. Однако когда американцы прорвали оборону 1-й армии, Гитлер снял его с занимаемой должности.

17 октября бой достиг высшего напряжения в центре оборонительного рубежа. Гитлеровцы вклинились в оборону 2-го батальона. На участке 3-го батальона оставался не занятым врагом лишь дот № 1 лейтенанта Дмитрия Разина. После гибели десяти курсантов гарнизона лейтенант вместе с помощником командира взвода продолжал вести бой в полном окружении. Когда кончились патроны, они укрылись под телами погибших товарищей и так лежали до тех пор, пока ворвавшиеся гитлеровцы не покинули дота. Ночью Разин и помкомвзвода пробрались к своим.

Этот день остался в памяти курсанта ПАУ Е. Смирнова. Он вспоминал: «В дзоте мы находились сутки, а 17 октября, в полдень, немцы вразрез двух наших дзотов пошли в «психическую» атаку. Мы своевременно обнаружили их и открыли залповый огонь из карабинов. Нас хорошо поддержал пулемет соседей. Несмотря на большие потери, пьяные оголтелые немцы упорно лезли вперед. Начался гранатный бой... Потери гитлеровцев были велики. Понес потери и наш взвод. В начале боя

Б.Н. Рудаков

были убиты помкомвзвода Мавлютов, курсант Саша Куршин...».

О напряженности боев говорят потери по отдельным гарнизонам дотов: погиб весь гарнизон во главе со старшим политруком И.А. Волковым, состоявший из девяти человек, в гарнизоне младшего политрука В.П. Ходнева было потеряно из восьми – четверо, в гарнизоне старшего лейтенанта Ф.Г. Горячих из девяти – семеро.

В гарнизоне лейтенанта А.И. Алешкина из восьми человек пало шестеро. Ночью, ползком командир взвода А.Г. Шаповалов пробрался к разбитому доту, вытащил погибших курсантов и Афанасия Алешкина, похоронив их в воронке у дота.

Гитлеровцы еще продолжали наступление, когда в расчете орудия остался в живых лишь курсант Михаил Круглов. Он нашел в себе силы, чтобы контуженным заряжать орудие, наводить его и вести огонь.

Петр Лобов с группой из шести человек совершил обход гитлеровцев с левого фланга, отвлек их и дал возможность другой группе во главе с сержантом Кольшикиным открыть прицельный огонь на правом фланге противника.

Сильный бой с превосходящими силами противника вели курсанты-артиллеристы за противотанковый ров в районе совхоза «Кудиново». Ров проходил по открытой местности. Мощные огневые удары следовали один за другим. Танки гитлеровцев остановились в поле недалеко от противотанкового рва, преодолеть который не могли. Тогда они начали прицельный огонь позиций курсантов.

Участник этого боя, курсант-артиллерист Борис Рудаков в книге «Много лет пронеслось...» рассказывал:

«...Мощные огневые удары артиллерии и минометов противника. Ударной волной меня при-

жало к дну окна. Дышать было тяжело, сжатый воздух переполнил легкие, взрывные волны то и дело подбрасывали меня, отрывая от спасительной земли. Я еле дождался конца этого ада. Но ад оказывается, был еще впереди... Танки остановились в поле недалеко от противотанкового рва... Положение критическое, печальная развязка неизбежна. Помощи ждать неоткуда. Это было понятно всем...».

И все же курсантам удалось вырваться из кольца.

Все более скупой становилась информация из подразделений курсантов у начальника штаба артиллерии сектора, преподавателя тактики майора А.И. Копелева. В разных переделках бывал он за время своей службы в армии с 1920 года, но в таком трудном положении оказался, пожалуй, впервые. С большим трудом удавалось из-за блокирования дотов танками передавать приказы.

Курсант-связной В.Р. Батурлов вспоминает один из таких эпизодов:

«Помню, из блиндажа командного пункта вышел батальонный комиссар Суходолов. Я поднялся с хвойных веток. Было сыро, холодно, влага насквозь пропитала шинель. «Быстро передать приказ орудия слева – лейтенанту Карасеву», – сказал мне Суходолов.

Первый раз пройти оказалось невозможным. Увидев, что я не дошел до Карасева, батальонный комиссар словно налился краской. «Ты должен идти, – повторил он. – Должен, Володя! Сейчас мы еще можем помочь, через полчаса будет поздно. Понял? – затем по-отцовски добавил: – Давай, сынок, давай!..».

Приказ был доставлен.

18 октября противник атаковал левый фланг, стремясь сбить 5-ю роту. Одновременно мотопехота врага ударом из района совхоза «Кудиново» захватила деревню Замыцкую и тем самым попыталась отрезать роту и командный пункт сектора от 108-го запасного полка, державшего оборону у Рылова. К 7 часам вечера 5-я рота вместе с командованием сектора отошла на командный пункт полка, откуда было снова организовано управление оставшимися подразделениями.

Прибывший на командный пункт делегат связи из штаба 53-й стрелковой дивизии передал приказ о переходе пехотного училища в подчинение комдива-53.

19 октября курсанты перешли к обороне на рубеже Копенкино–Заболотье.

Начальник штаба Ильинского сектора майор А.С. Курасов нанес на карту последние изменения, происшедшие в обстановке на боевом участке. Сомнений не оставалось: гитлеровцы захватили Малоярославец 18 октября с калужского направления. Таким образом, Ильинский рубеж обороны оказался у них в тылу.

Памятник подольским курсантам
на Ильинском рубеже

Генерал-майор В.А. Смирнов докладывал командующему 43-й армией К.Д. Голубеву: «Вот уже 12-й день подольские училища обороняют данную полосу и имеют громадные потери в людском и материальном отношении. На сегодня во втором батальоне пехотного училища осталось два взвода, в первом и третьем – потери выясняются. По неполным данным, в них осталось не более 120–150 человек. Командный состав почти полностью потерян... Люди исключительно переутомлены, падают на ходу...».

Василий Андреевич не предлагал оставить позиции, но просил срочно подбросить подкрепление и боеприпасы. Начальник ПТТУ и в этой обстановке оставался хладнокровным, уравновешенным командиром. Названные волевые качества генерал Смирнов сохранит и тогда, когда будет командовать 2-й Московской (129-й Орловской), Краснознаменной, ордена Кутузова стрелковой дивизией, ушедшей защищать Москву с парада на Красной площади 7 ноября 1941 года.

А к вечеру на командный пункт В.А. Смирнова пришел утомленный долгим переходом лейтенант:

– Я из штаба 43-й армии. Вот приказ на отход...

Ночью 20 октября, оставив заслон, лесами, севернее Варшавского шоссе, ильинская группа дви-

нулась на соединение с частями армии, занимавшими оборону по реке Наре.

Вел группу преподаватель топографии подполковник Я.П. Пелнис.

Командующий 43-й армией К.Д. Голубев, высокий, плечистый, в кожаной куртке, встретил генерала Смирнова в каменной школе.

Выслушав его доклад о выходе курсантов из Ильинского сектора, Голубев заметил:

– Знаю, силы на пределе. Но до подхода сибиряков придется оборонять Каменку и рощу в двух километрах от нее. Пока иного выхода нет. Формируйте сводный батальон.

И командарм ознакомил генерала со сложившимся положением.

Обстановка на подольском направлении, как и вообще под Москвой, оставалась очень тяжелой. Стабилизировать оборону на Можайском рубеже не удалось. Потребовалось принятие чрезвычайных мер. На основные магистрали, ведущие к Москве с северо-запада, запада и юго-запада, были направлены восемь отрядов с задачей минировать пути движения танков к Москве. Отряды минеров выслали и на железные дороги.

Пришлось заминировать 16 мостов столицы и выставить посты саперов, готовых в любую минуту выполнить приказ.

Была проведена большая работа по маскировке столицы. Площади Москвы, административные здания, промышленные объекты, являвшиеся хорошими ориентирами для вражеской авиации, закрывались различного рода пристройками.

Заминировали не только Большой театр, но и заложили мины в крупнейшие магазины Москвы.

Началась эвакуация Генштаба, военных академий, иностранных посольств, наркоматов. Поезда один за другим направлялись в сторону Горького². Все дороги, ведущие на восток из Москвы, были забиты. Вывозили москвичей и речные суда.

Кремль к этому времени превратили в крепость. Открытыми оставались только ворота в Спасской башне. Все остальное заложили бревнами и камнями.

Стало известно, что Сталин выезжал в Петровско-Разумовский госпиталь. Сюда привезли раненого командующего Брянским фронтом А.И. Еременко. С большими потерями он вывел свои армии из окружения. Сталин беседовал с А.И. Еременко около часа, а затем поехал на свою ближнюю дачу. Несмотря на то, что дача была заминирована, он приказал приготовить себе маленький домик и приготовиться к разминированию главного здания.

Между тем стало известно, что авиация противника совершила налет на лагерь Подольского пе-

хотного училища «Лужки» и разрушила его. Погиб заместитель коменданта лагеря Н.П. Максимец, участник боев на озере Хасан и финской кампании.

В ночь на 19 октября состоялось срочное заседание ГКО. Открывая его, Сталин произнес:

– Положение на фронте всем известно. Будем ли защищать Москву?

Наступила тягостная тишина.

Тогда Сталин обратился с этим вопросом персонально к каждому члену ГКО.

Получив положительный ответ, он продиктовал постановление о введении осадного положения: «Сим объявляется, что с 20 октября 1941 г. в Москве и прилегающих к городу районах вводится осадное положение...».

Приказ по войскам Московского гарнизона определил систему непосредственной обороны Москвы: рубежи по линии Окружной железной дороги; по Садовому кольцу; по кольцу трамвая «А» и по реке Москве с юга. Оборона рубежей, отстоящих на 100–120 километров от Москвы, возлагалась на командующего Западным фронтом генерала армии Г.К. Жукова. Оборона ближайших подступов была поручена начальнику гарнизона Москвы генерал-лейтенанту П.А. Артемьеву.

Началось создание сплошных участков заграждений, устройство многочисленных лесных завалов, лишивших гитлеровцев возможности при-

бегнуть к своему излюбленному приему: развитию прорыва танков по дорожным магистралям. Только на подступах к Подольску они составили по протяженности 50,5 километра при глубине от 200 до 500 метров.

Тревожность обстановки ощущалась и в кабинете И.В. Сталина. По городу распространялись слухи о диверсантах, заброшенных в тыл на парашютах. Находились паникеры. Панические настроения передавались отдельным руководителям.

Главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов вспоминал:

«...Я застал Сталина, когда он стоял у стола и возбужденно говорил с кем-то по телефону...»

– Парашотисты? Сколько? Рота? А кто видел? Вы видели? А где высадилесь?.. Я говорю вам, не верю. Вы скоро скажете, что на ваш кабинет тоже уже высадилесь!

Верховный с раздражением бросил трубку телефона и сказал мне:

– Вот уже несколько часов меня терзают воплями о немецких парашотистах, не дают работать. Все ссылаются на слухи, а сами не видели и понятия не имеют. Болтуны и паникеры!..». В ответ на это Воронов рассказал, как в его бытность начальником Главного управления ПВО ему сообщили, что в направлении города Владимира прорвалась группа вражеских дирижаблей, которая производит высадку крупного воздушного десанта. А потом

Музей «Ильинские рубежи»

выяснилось, что за дирижабли приняли необычного вида кучевые облака».

Николай Николаевич сказал Сталину также, что при стрельбе нашей зенитной артиллерии снарядами старого образца в воздухе обычно образовывались белые облачка. Их-то, возможно, и приняли за раскрывшиеся парашюты противника.

«Во время нашего разговора, – рассказывал Н.Н. Воронов, – звонки о мнимых парашютистах противника продолжались. Сталин уже не хотел слушать эти доклады и отвечал, бросая трубку:

– Вранье! Нужно судить таких злостных паникеров военно-полевым судом!».

Доклад Воронова Сталину оказался своевременным. Он предложил сформировать новые противотанковые артиллерийские дивизионы для усиления обороны Москвы.

– Сколько дивизионов сможете сформировать? – спросил Верховный.

– Десять, по шестнадцать орудий в каждом.

– Мало, – сказал Сталин. – Хотя бы еще столько же... – Затем, после небольшой паузы, вдруг произнес: – А что если мы эти дивизионы назовем полками?

Возражения начальника артиллерии Красной Армии Сталин не принял. Выдвигая свои доводы, он закончил:

– Командир артиллерийского полка – это звучит. С ним не только командир дивизии, глядишь, и командир корпуса посчитается! Мало орудий в полку? Что же поделаешь? Сейчас случается, что в дивизии людей меньше, чем в нормальном полку. Но командир дивизии все-таки остается командиром дивизии. Так что пусть у нас будут артиллерийские полки...

Воронову осталось только подчиниться. Выйдя от командарма 43-й армии К.Д. Голубева, генерал-майор Смирнов остановился в подступавшей к зданию каменской школы рощице. Сменив подразделения 201-й воздушно-десантной бригады 5-го воздушно-десантного корпуса, сводный батальон пехотного училища под командованием майора И.А. Золотухина завтра примет на себя удар гитлеровцев восточнее Каменки. В личном деле командира батальона сохранилась характеристика. «Золотухин Иван Андреевич, член Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). В период заключительного этапа участия курсантов в обороне Москвы проявил высокую выдержку, мужество, способности военного организатора и личную храбрость...».

А у военного корреспондента газеты 43-й армии «Защитник Отечества» Сергея Баренца сложились стихотворные строки:

*Березовая тишина...
Березовая тишина,
Как парашют,
На стропах виснет.*

*Она стекает
С желтых листьев
На травы,
Где прошла война.*

*Из тишины растут грибы,
Их лижет пламя золотое...
А я
Все слышу грохот боя*

*И напряженный ритм пальбы.
Откуда этот странный гром?
Откуда он?
Откуда он?*

*И почему земля вздыхает?
Быть может,
В сердце он моем
Возник –*

*И больше не стихает.
Мне от него уйти нельзя,
Мне от него
Нигде не скрыться.*

*Знакомые
Я вижу лица
В пыли
И грустные глаза.*

*Вхожу в Ильинское:
Село,
Каких в лесах России много,
Тут пролегла моя дорога,*

*И прошлое
По ней прошло.
Осенний день,
Тревожный день
Под серым, низким небосводом.*